Диана. Найденыш

Автор:
Евгений Щепетнов

Диана. Найденыш

Евгений Владимирович Щепетнов

О чем может мечтать маленький человечек, которого ненавидит и хочет убить собственная мать, и который с рождения не ел досыта? Только убраться подальше – туда, где нет унижений, боли, страданий, туда, где ей будут рады, и где она найдет свой родной приют.

Надо только как следует мечтать, и если ты отчаянно о чем-то мечтаешь – это обязательно сбудется!

Евгений Щепетнов

Диана. Найденыш

Глава 1

Уна сделала шаг по засыпанной снегом дорожке, и вдруг насторожилась – странный звук. Что угодно, но только не этот звук! Хотя… почему бы и нет? Послали за помощью, ребенок заблудился, устал, замерз – вот и плачет. Тогда надо его найти! Ведь пропадет! Мороз-то к ночи крепчает. Уна тепло одета, но неприкрытый нос и румяные от мороза щеки пощипывает.

В лесу уже почти темно – сумерки. Так-то можно было бы и не ходить за водой, половина кадки в наличии, да если что и снегом набить деревянные бадьи, но сегодня последний день седмицы, неплохо было бы и помыться. Хотя бы помыть голову. Уна коротко стрижется, как и положено простолюдинкам (самое большее – до плеч), но и короткие волосы требуют мытья, иначе так можно и насекомых развести. Брр… Да и постирать бы неплохо. В общем – с десяток походов к заранее расчищенной проруби.

Темноты Уна не боялась. Она уже привыкла жить в одиночестве, да и вообще никогда не была слишком уж мнительной, а кроме того, у нее есть ее Кахир, и ее Голос. Кахир – пес, холка которого приходилась Уне почти по грудь. Уна великим ростом не отличалась, а вот Кахир – совсем наоборот. Помесь северного волка и северного волкодава, он был слишком крупным для таких помесей, обычно не отличающихся массивным сложением. Кахир весил как взрослый крепкий мужчина, и скорее всего, был сильнее любого из обычных мужчин. Псу было уже семь лет – совсем взрослый, можно даже сказать на склоне собачьих лет – но на его силе и выносливости это пока никак не сказалось. Он исправно загонял добычу и частенько приходил в избушку, облизывая окровавленные лапы и морду. Когда Кахир был молодым, он приносил часть добычи Уне – половинку косули, задушенного зайца, пойманную тетерку без головы (ему почему-то нравились птичьи головы), но Уна не ела принесенной ей дичины. Она вообще не ела мяса. Не могла. Просто не могла, и все тут – не по вере, не по убеждениям. Ей просто было жаль животных. Они не заслужили того, чтобы она их убивала и ела. Кахир – другое дело. Он ведь зверь, а зверь должен есть мясо. Уна всегда терпимо относилась к слабостям окружающих ее живых существ, в том числе и слабостям людей. Что поделаешь, если они такие…

Голос проснулся в Уне еще во младенчестве, когда она, лежа на шелковых пеленках требовала материнского молока – кормилица тогда даже потеряла сознание от испуга. Голос не все могут переносить спокойно. Боятся люди. И не люди – тоже. Никакое зверье не сможет ничего сделать Певице, звери попросту разбегутся, повинуясь волнам вибрирующего, чарующего голоса.

Кахир глухо зарычал и рысью помчался вперед – туда, откуда предположительно и послышался детский плач. Вернее – стон, и тихое-претихое хныканье. Уна прибавила шаг, почти перейдя на бег, и скоро вышла на тропу, по которой она добиралась до лесной дороги. По этой дороге зимой возят срубленный на болоте лес. Летом там делать нечего – только комаров кормить – а вот зимой, когда болото подмерзает, через болото сразу тянутся самые смелые

и жадные из лесорубов. Смелые – потому что болото вроде как замерзает, но… бывает так, что и не совсем. И тогда велик шанс угодить в липкие объятья трясины, их которой нет и не может быть спасения. А жадные потому, что порубка летом за болотом стоит очень дешево в сравнении с порубкой в тех местах, которые гораздо более доступны. Имперские чиновники четко определяют степенно доступности леса и в соответствии с этих устанавливают цену на порубочную лицензию. Уна уже много лет общается с лесорубами, так что порубочное дело для нее совсем даже не откровение.

До дороги всего шагов двести, и эти двести шагов Уна постоянно чистит от снега широкой деревянной лопатой. Во-первых, чтобы людям легче было к ней добраться. Люди – ее заработок, ее еда.

Во-вторых, чтобы не засиживаться, чтобы кровь гуляла по телу. Физические упражнения так же необходимы для здоровья тела, как и правильная еда, как правильные травы, употребляемые от различных хворей. Уж Уна-то это прекрасно знала. И как ей не знать, если она, Уна, живет тем, что лечит людей травами, и… (потихоньку!) Голосом.

Это была девочка. Вначале Уна не поняла, что это девочка – во-первых, сумерки, во-вторых… во-вторых, одет ребенок был довольно-таки странно, в одежду, которая больше приличествовала мальчику: штаны, странного вида ботинки, довольно-таки драные и неухоженные, куртка – не драная, но точно не новая, и застиранная. Тоже, кстати, странная – ткань не была похожа ни на одну из тканей, которые Уна видела в своей жизни. А она видела много, очень много тканей, и таких, от которых у любой деревенской девки просто захватит дух и несчастная брякнется в обморок. Уна видела даже волшебную ткань с Островов, которая по настроению хозяйки меня свой цвет и рисунок. За такую ткань платят золотом сто весов золота на один вес такой ткани. И это еще дешево, потому что волшебная ткань обладает и еще кое-какими особыми свойствами, известно о которых только ее счастливому владельцу.

Эта ткань шуршала так, как ни одна из тканей, и на ней не было видно никаких нитей. Ощущение такое, будто эту ткань не ткали, а… сделали с помощью одного из островных заклинаний.

Уна подхватила ребенка, легко, как перышко – он был совсем небольшой, худенький, даже сквозь ткань прощупывались ребра. Казалось, этого ребенка неделями, а может быть и годами не кормили досыта. Как такое могло быть в

северных, довольно-таки зажиточных деревнях? Да запросто могло быть. Нет у тебя отца-матери, нет близкой родни, которая о тебе будет заботиться – вот и живи как можешь, как знаешь. Или ложись, и помирай, если совсем уж стало невтерпеж.

В общем, о том, что в ее руки попала девочка, Уна открыла только в избушке, когда стала раздевать ребенка, чтобы как следует осмотреть. И кстати сказать – опять удивилась: на ребенке под верхней одеждой было надето нижнее белье, какого Уна никогда в жизни не видела. Что-то вроде ночной рубашки с тонкими лямочками, и тоже из ткани, которой Уна никогда не видела. А еще – на этой рубашке был рисунок! Странное существо с огромным клювом и выпученными глазами. Рисунок был и на трусиках – не таких, какие носят деревенские дети, эти трусики будто бы пошили где-то в большой мастерской – аккуратно, ровно – трусики были все в красных яблочках, маленьких, и с листочками. И вот под трусиками и открылась истина – девочка! Это была девочка!

А еще открылось то, от чего Уна просто содрогнулась. Во-первых, у девчонки распухло плечо – оно было красным, больным даже на первый взгляд в свете маленького магического светильника и отблеска огня, пожиравшего дерево в большой каменной печи.

Во-вторых, на теле девочки имелись многочисленные шрамы и еще не до конца зажившие ушибы. Гематомы – желто-синие, и тоже болезненные на вид, были на ее спине, на худой попке, торчащей острыми костями, на ногах, довольно-таки стройных и длинных, но худых, как спичка, и скорее всего не от природы, а от недоедания.

И самое отвратительное было даже не это – часть шрамов представляли собой ожоги, маленькие такие ожоги… будто кто-то прикладывал к телу девочки раскаленный прут или горящий уголек. Уне встречались такие шрамы – на взрослых мужчинах, лесорубах. Народ тут разный, были и бывшие преступники, которые старались скрыть свою прежнюю жизнь. Но от лекарки не скроешься, она видит все. Тело для нее – как раскрытая книга. Хорошая лекарка понимает без объяснений. Уна была хорошей лекаркой. Очень хорошей.

Уна положила бесчувственную девочку на лавку возле печи, завернув ее в овчинный тулуп, и принялась наполнять водой деревянную бочку для купания. Вообще-то бочку она готовила для себя, но что поделаешь, раз так уж получилось? Девочку первым делом надо помыть и осмотреть, а потом уже все

остальное. И уж точно теперь не до мытья хозяйки дома. Жаль, но обойдется – завтра помоется. Зимой все равно делать нечего, торопиться некуда – днем раньше, днем позже… да и кто ее тут нюхает? Если только Кахир, а от него самого псиной несет за десять шагов.

Потрогала воду рукой, поплескала в задумчивости… добавила ковшик холодной. Не надо сейчас горячей воды, пусть будет тепленькая, чуть теплее чем температура тела. Достала душистое мыло, которое варит тетушка Забель – на пряных травах, очищающее и просто приятное телу, положила на скамью. Развернула тулуп, достала девочку, и снова поразилась ее худобе и малому весу. Ну как щенок, весит ничуть не больше!

Подошел Кахир, шумно принюхался, посмотрел в глаза хозяйке – мол, ты кого тут нянчишь?! Это еще что за мелкое вонючее существо?!

– Вот, у нас теперь прибавление, серая твоя морда! – хихикнула Уна и толкнула массивную тушу волкособа упругим, крепким бедром – Теперь веселее будет! На какое-то время – веселее…

Уна почему-то сомневалась, что за девочкой кто-нибудь придет, что кто-то сейчас ее усиленно ищет. Она сама не знала – почему возникло такое ощущение, но вот возникло оно, да и все тут! Уна была очень умной и образованной женщиной, а еще – обладательницей Голоса. А все потомки Древних, все обладатели Голоса ко всем своим незаурядным талантам имели невероятно развитую интуицию, которую несведущий человек назвал бы прорицанием. Впрочем – а чем прорицание отличается от интуиции? Кто может сказать? И в том, и в другом случае обладатель этого умения способен без каких-либо к тому предпосылок взять, да и угадать события, которые могут произойти в недалеком, а иногда и очень далеком будущем.

Уна никогда не считала свою интуицию такой уж великой – ну да, она иногда может угадать, вернее узнать некие события (за счет чего в том числе, кстати, она некогда осталась жива), но чтобы делать прогнозы на годы и десятилетия – нет, настолько ее дар не развился. Кстати, вот наверное чем и отличается интуиция от настоящего прорицания – прорицатель предсказывает на годы вперед, а тот, у кого развита лишь интуиция – на дни, или на часы.

Ну что теперь поделаешь… Уна не Древняя, а дальний потомок Древних, и после того, как Древние стали брать в жены и жениться на обычных людях – кровь их разбавилась настолько, что магические способности у потомков некогда могучих магов стали очень слабы и редки. Иногда – исчезающее малы.

Уна медленно, осторожно подняла девочку, взяв ее за талию, и стала погружать в бочку – ноги ребенка коснулись поверхности воды, ниже, ниже, вот уже колени покрыты теплой водой….еще ниже… и тут… девочка встрепенулась, открыла глаза и закричала! Страшно, жутко закричала, так, что в ушах Уны даже зазвенело! Вцепилась в края бочки, и продолжая вопить, попыталась выпрыгнуть на пол!

Уна с трудом ее удерживала – в хрупком теле оказалось столько силы, что это было просто невероятно. Непонятно чего испугалась девчонка, но только этот страх похоже что удесятерил ее силы. Было полное ощущение того, что девчонка сражается за свою жизнь, дает миру свой последний бой.

Видать, она из тех людей, которые никогда не сдаются! – подумалось Уне, которая безуспешно боролась со скользким от воды и невероятно сильным существом. Дело в том, что лекарка боялась повредить девочке – у нее и так похоже что сломана ключица, попробуй как следует прижать – можно и руку сломать, и ребра. Уна была довольно-таки крепкой взрослой женщиной, физические упражнения и жизнь в одиночестве в лесу развили ее мускулатуру настолько, что с нее можно было писать анатомический атлас (она спокойно поднимала тяжеленные мешки и без проблем могла ворочать здоровенного мужика на кушетке для лечения). Иначе тут и не выживешь – это лес, тут или ты делаешь, или помираешь.

Положение спас Кахир. Он подошел, понюхал вопящую девчонку, потом оскалил зубы и так оглушительно гавкнул, что даже перекрыл девчоночьи вопли. А девочка от неожиданности замолчала, ошеломленно посмотрела на пса, широко раскрыв глаза и выпучив их как на какое-то чудо (собак не видела, что ли?), а потом тихо заплакала, всхлипывая, и продолжая цепляться ручонками за края кадушки.

– Ну ты чего, чего? – дрогнувшим голосом спросила Уна, сердце которой сжалось от тоски и жалости – Тебя никто не тронет! Это добрая собачка, просто не любит, когда шумят. Кахир, ну-ка, успокой ее!

Волкособ медленно подошел, оскалил белоснежные зубы в ехидной улыбке, и постояв перед замершей, совсем уж затихшей девочкой лизнул ее в нос огромным красным языком, оставив на лице девчонки мокрый липкий след.

– Ффуу… Кахир! Ну что за манеры?! – хихикнула Уна – Полегче давай! Всю мордочку ей слюнями залепил! Ах, какой шаловливый пес! Я же тебя просила успокоить, а не развлекаться с новой игрушкой!

Кахир так и стоял перед замершей то ли от испуга, то ли от удивления девочкой, и только слегка повернул голову на тираду Уны, оскалившись и потряхивая кончиком языка, будто дразнился. Уна уже давно знала, что Кахир не так прост, как кажется – а еще, что он не совсем пес. Она разговаривала с ним, как с человеком, и Кахир понимал ее слова. В этом Уна могла поклясться чем только хочешь. Потому и относилась она к нему, как к человеку, как к члену семьи. Ели они за одним столом, спали в одной кровати – только иногда Уна спихивала на пол тушу пса, когда он совсем уж наглел, забрасывал на нее здоровенные лапищи, и на возмущенные требования Уны лечь как следует и убрать лапы – начинал тихо повизгивать и рычать. Мол, чего ты так разошлась, жалко тебе, что ли?!

Девочка вдруг протянула руку и коснулась огромной, лобастой головы зверя. Сердце Уны дрогнуло и сделало несколько быстрых судорожных толчков. Она слегка испугалась – Кахир никому не позволял дотрагиваться до своей головы. Кроме Уны, конечно.

Уна вспомнила, как однажды у нее в гостях был купец-лесопромышленник, которого сбросила норовистая кобыла. Он сильно повредил руку, а на несколько дней пути нет ни одного имперского лекаря с лицензией, так что пришлось ему срочно обращаться за помощью к местной лекарке. Так вот увидев Кахира, он тут же попытался погладить его по голове, и закономерно едва не лишился руки. Уна отдернула руку купца в самый последний момент, когда зубы Кахира собирались отхватить ему кисть до самого локтя.

Купец – моложавый мужчина лет сорока пяти – пятидесяти побледнел, сделался белым, как мел, а потом долго упрашивал Уну продать ему эту собаку – для собачьих боев на арене. Довел до того, что Уна пригрозила спустить на него Кахира, если он хоть слово еще скажет о продаже и все такое. А потом смягчилась и спросила купца – продает ли он своих детей? А жену? А брата? Купец понял, и сразу же сник. И как ни странно – не обиделся, наверное все-таки

был умным человеком. Разве можно продать членов твоей семьи? Твоих близких?

Да и не принадлежит Кахир Уне. Он сам по себе. Друг. Захочет – уйдет, и будет жить один, в лесу, и точно не пропадет. С его умом и с его силой – ему никто не страшен. Уна честно говоря даже и не знала – зачем он живет с ней. Еду Кахир добудет себе сам, да еще и с запасом. Спать он может прямо в сугробе – бывало и такое, и не раз – отправился ночью на охоту и пришел под утро. Закопался в сугроб, вырыл себе пещерку, и спать улегся – только парок стоит над протаявшей дырочкой. Дрыхнет без задних лап! А когда утром открываешь дверь – сугроб разлетается на снежные вихри, и вот уже вокруг тебя скажет зубастый теленок, тыча в видавший виды тулуп окровавленным холодным носом. Радуется, демоненок! Любит видать ее, Уну. Наверное – единственное существо, которое искренне и безвозмездно ее любит. Потому от нее и не уходит.

Кахир не клацнул зубами, он только снова оскалился в страшной «улыбке», а потом вдруг заскулил, оглянулся на Уну и снова отвернувшись к девочке – лизнул в багрово-синюю опухоль возле шеи.

– Да знаю я, знаю! – ворчливо заметила Уна и шагнув к кадке, намылила шерстяную рукавицу, предварительно обмакнул ее в воду— Вот сейчас отмоем грязнулю, и начнем ее лечить! Пусть немного согреется, потом уже за лечение возьмемся.

Кахир снова оглянулся, отошел в сторону и теперь следил, как Уна осторожно, стараясь не напугать девочку, намыливает ей спину. Девочка успокоилась, ее глаза закатились – уснула, или потеряла сознание. Пришлось одной рукой держать, другой мыть. Неудобно, да.

После спины настал черед других частей тела, и закончилось все темными, блестящими волосами найденыша. Блестящими они стали после мытья – а до тех пор спутанные, тусклые и грязные. Но… хотя бы без насекомых, и это радовало. Уна терпеть не могла вшей, и не допускала эту гадость в свой дом. Стоило ей заподозрить, что посетитель заражен этими насекомыми – все, в дом его не пускает, принимают только под навесом у крыльца. Не умеешь соблюдать чистоту, развел всяческую погань – значит место тебе не в доме с нормальными людьми, а под навесом, как скотине безмозглой. Мыться надо! В баню ходить надо! В речке плескаться! Да на мыло не жалеть денег.

Деревенские посмеивались над ее такой чистотой, и над словами, что вши являются разносчиками заразы, но прогневить лекарку опасались, а потому выполняли все, что она им прикажет. Уна злопамятная, обидишь ее – потом помощи хрен допросишься. Или так полечит, что лучше бы сдох от болезни. Ведь болезнь одна, а лекарства разные – есть сладкие, а есть горькие, и есть вообще невозможные, от которых из сортира неделю не вылезешь и вся зараза полезет у тебя со всех дыр. А все лекарка с ее травами-снадобьями! И нет других лекарок в округе на два-три дня пути. Глухой угол, точно!

Вымыв девочку, осторожно достала ее из кадки, закутала в широкое мягкое полотенце. Любимое полотенце – она два года назад купила его на осенней ярмарке в Шпицене, городке на день пути от дома Уны. Полотенце было сшито из толстого льняного полотна с добавлением каких-то еще нитей, придающих объем и мягкость. Похоже, что не обошлось без магии, потому что обычное полотенце так быстро воду не впитывает, и так быстро не сохнет потом. Уна вывалила за это полотенце кучу денег по деревенским меркам, хотя и купила его дешевле, чем ожидала. Продавец потом сознался, что отдал полотенце по той самой цене, по которой его купил – уже и отчаялся продать, думал, назад отвезет. Народ в глухомани прижимистый, им такие дорогие вещи, которыми впору пользоваться только аристократам – напрочь не нужны. Нет, так-то они любят хорошие вещи, но только задарма, и уж точно не какое-то там полотенце.

Привычка. Привыкла Уна к хорошим вещам, и если есть деньги – почему бы себя не побаловать?

Девчонка так и не открывала глаз. Уна снова закутала ее, но только теперь в чистую простыню, отнесла на лежанку и строго-настрого приказала «здоровенной серой скотине» не плюхаться на лежанку с разбегу, как он это делает с Уной (и она подозревала, что нарочно – развлечение у него такое!). Придавит девчонку, а ей и так плохо. Лучше пускай пойдет в лес и принесет Уне кусок хорошего мяса. Только не тухлятины из под валежины – запасенной медведем еще с осени, а настоящего, свежего мяса.

Уна мясо не ела, но девчонка скорее всего – да. И девочке надо восстанавливать силы, а на одной каше особо не разбежишься, надо что-то посущественнее. Опять же – совесть Уну не глодала: каждый сам выбирает свой путь, и не указывает другим, как им жить. Или не жить. Она не ест мясо, но оставляет за другими право жить так, как они хотят.

Кахир выскользнул за дверь, снова оскалившись в улыбке (похоже, что ему понравилась мысль об охоте, и о том, что он должен принести мяса своей подруге), а Уна полезла в огромный шкаф, разделенный на множество маленьких ящичков. Здесь хранилась главная ценность этого дома – травы. Травы и всяческие ингредиенты для изготовления снадобий. Минералы, кости, кусочки дерева – в общем, всяческая дребедень, интересная только лишь всяким там лесным лекарям, да магам, коих в Империи осталось совсем даже немного, и судя по рассказам знатоков – вовсе даже плевые маги. Прежний Император очень не любил магов, и кого сжег, кому голову отрубил, а кто-то сбежал в соседнее королевство, где магов привечали и считали людьми полезными, достойными и совершенно необходимыми. Вот оттуда теперь и шел поток магических светильников – маленьких шариков, потерев которые можно было на несколько часов не заботиться о свете в твоей избушке. Простейшая штука, но без мага ее никак нельзя сделать – напитать магической энергией.

Глупый император в конце концов почил, отравленный своей умной женой, тут же вышедшей замуж за его брата, занявшего трон, но маги возвращаться не спешили, несмотря на завлекательные письма бывшей-нынешней императрицы. Сегодня завлекают, а завтра снова башку рубить? Нет уж, им и в Королевстве неплохо живется.

Уна выбрала травы, подумав, присовокупила к ним серого порошка, пахнущего чесноком и чем-то неуловимо-пряным, взяла чугунную ступку (пришлось брать обеими руками – тяжелая!), и сама не замечая своего невольного пыхтения, отнесла груз на кухонный стол, некогда сделанный по ее заказу из толстых-претолстых дубовых досок. Этот стол, если его не сожгут, переживет и Уну, и еще несколько поколений людей, понимающих толк в хорошей, крепкой мебели. И на таком столе удобно не только обедать и мешать тесто для пирогов, но и (в основном!) толочь в ступке травы для всевозможных снадобий.

Пока толкла траву, пока разбавляла истолченную смесь кипяченой водой – посматривала туда, где выводил носом найденыш. Девчонка была очень милой – темные волосы, которые станут еще темнее при взрослении, скуластое личико с огромными глазами, пухлые губки, которые так будут нравиться парням – стоит лишь девушке войти в возраст зрелости. Сейчас она выглядела смешной – маленький ушастый зверек, но Уна знала, какими красивыми вырастают такие вот смешные девчонки. И наоборот – те девочки, которые в детстве были похожи на прекрасных кукол, привезенных из-за океана, в девичестве вдруг дурнеют, полнеют, отращивают подбородки и ясные глазки их заплывают жиром. Этой

худышке такое безобразие явно что не грозило.

Уна вдруг удивилась и даже слегка опешила – девочка была очень похожа на нее маленькую! Да-да! Копия маленькой Уны! Кареглазая и смешная! Боги не дали Уне детей – такое бывает у потомков Древних, не все ладно у них с производством потомства, но может эта девчонка и есть дар богов? Может это знамение?! Вот тебе дочка, Уна, живи с ней, воспитывай ее, награда тебе за все, что ты сделала людям!

Уна даже слегка прослезилась, что было довольно редко. Она обладала невероятно устойчивой психикой, сохраняя спокойствие даже в самые тяжкие и опасные периоды ее жизни. Ее хладнокровию поражался даже отец, не отличавшийся склонностью к истерикам и вспышкам гнева. Расчетливая, умная, холодная – Уна была примером того, какой надо быть Левантийской принцессе. Ну… если бы только другие ее особенности не перечеркивали данное обстоятельство.

Закончив изготовление снадобья, Уна выложила получившуюся серо-черную кашицу на небольшую фарфоровую тарелку с отбитым краем (фарфор настоящий, Когемский! Краешек отколот, вот и удалось купить по-дешевке). Выложив, села рядом, уставилась на расползающийся блин густой жидкости и тихо, совсем тихо запела, добавляя в пение все больше и больше Голоса. Она пела о том, как хорошо быть здоровой, как это замечательно, когда ничего не болит, как должны срастаться кости и сокращаться мышцы. Снадобье впитывало магическую энергию, и от того на глазах белело и если присмотреться – начинало слегка мерцать.

Уна прекратила пение тогда, когда над снадобьем явственно заполыхало сияние, как если бы оно начало источать из себя свет как магический светильник. Обычно Уна не допускала до такого – чуть подкачала магии, и хватит. Не надо людям знать, что здесь живет Певица, способная творить чудеса своим волшебным Голосом. Разнесут весть по дальним далям, и услышит тот, кому это слышать не надо. И кончится спокойная жизнь Уны, которая, честно сказать, совсем даже не Уна.

За дверью послышался шум, как если бы кто-то скреб тяжелую доску острыми когтями. Только не «как если бы», а точно скреб – он обычно не лает и не скулит за пределами избушки, эдакий охотничий инстинкт. Вышел за дверь – все, молчок! Внутри избушки можно и полаять, и поскулить, и порычать – когда

хватаешь руку своей хозяйки-подруги и делаешь вид, что собираешься ее откусить. Но только в доме.

Уна встала, приоткрыла дверь, впустила зверя. Он процокал когтями к столу и положил на пол заднюю ногу косули, отгрызенную по верхнему суставу. Уна поморщилась, вздохнула – не любила она возиться с мясом. И косулю жалко – такая красивая, такая забавная! С белым пятнышком на заду… Эх, ну что за жизнь такая? Все едят всех! Ну почему живым существам не успокоиться, и перестать убивать друг друга?!

– Молодец! Спасибо, зверюга! – Уна потрепала по лобастой башке пса, он осклабился и клацнув челюстью шумно втянул слюни. Потом высунул розовый язык и задышал.

– Неужели жарко? – притворно удивилась женщина – Сейчас я тебе водички налью. Не любишь снег хватать, да?

Она бы почти не удивилась, если бы однажды пес ответил бы ей «да!», или «нет!». Но Кахир только клацнул зубами, и Уна заторопилась налить ему в глубокую плошку. Через несколько секунд избушка наполнилась хлюпаньем и чавканьем. Пил Кахир жадно и со вкусом, как и полагается зверю, только что загнавшему косулю и наевшемуся ее мяса до отвала. Он после еды даже слегка округлился посередине – прожорливый, как три самых больших пса! Волки умеют есть впрок, и волкособы не исключение.

– Ну что же… приступим к лечению? – пробормотала в пространство Уна, не ожидая от этого самого пространства никакого ответа. Она уже давно привыкла разговаривать сама с собой или с Кахиром. Если не упражняться в человеческой речи – эдак и совсем потеряешь человеческий облик. Так-то Уна не была любительницей длинных и пустых речей, но иногда хотелось с кем-нибудь поговорить – просто до тоски и скрежета зубовного. Если человек вырос в шумном обществе среди множества людей – отвыкать от такого общения очень даже затруднительно.

Она освободила тело девочки от покровов, но прежде постелила на стол чистую простыню, сложенную в несколько раз – чтобы помягче. Подняв, перенесла больную в центр кухонного стола. Можно было бы использовать и кушетку, используемую для лечения посетителей, на которой лекарка вправляла кости

лесорубам и делала перевязки, но Уне почему-то не хотелось, чтобы девочка лежала там, где ранее стонали и рычали бородатые, пропахшие дымом костров, вонючим потом и дешевой сивухой мужики. Чистая душа – пусть она лежит на кухонном столе, на Ладони Бога, приносящей в дом сытость и веселье. Так будет правильно.

Положила девочку, расправила ей руки и ноги, приступила к осмотру. На первый взгляд девчонке года четыре, может быть пять лет. Ногти плохо стрижены, под ними грязь. Строение тела в принципе без каких-то там патологий – девочка, как девочка. Хотя… вроде как грудная клетка немного деформирована. Пощупала – точно! Похоже, что неправильно срослись два сломанных ребра. Особо-то и не видно, но когда щупаешь – ощущается, особенно костные утолщения на местах сращивания. То есть она (или ей!) сломали ребра, и девочка так и ходила, мучаясь от боли, пока ребра не срослись естественным образом.

Шрамы от ожогов Уна уже видела – они были старыми, за исключением одного, который лекарка сразу не увидела – тот располагался на шее, прямо под волосами. В этом месте не хватало маленькой пряди – похоже было, что некто приложил раскаленный уголек, и держал, пока волосы не сгорели и не прижарилась кожа. Очень больно. Бедная девочка!

Зубы хорошие, все на месте – белые, крепкие. Молочные, до замены зубов она еще не доросла, что доказывает – Уна не ошиблась и девочке от трех до пяти лет. Ноги прямые, стройные, тазовые кости сформированы, не деформированы. Так что на первый взгляд по женской части проблем не ожидается – родить сможет. (Уна вздохнула).

Плечо сине-красное, нехорошее. Диагноз подтверждается – перелом ключицы. Кто-то сильно ударил девчонку, и детские косточки не выдержали. Слава богам – перелом закрытый, однако косточка выпирает, натягивая кожу и вероятно причиняя мучительную боль. Перелом недавний – несколько часов, самое большее – сутки от роду. Интересно, как она с таким переломом почти что сумела добраться до лекарки? И почему одна, без взрослых? Загадка! А Уна любит разгадывать загадки. У нее даже в носу засвербило от предвкушения долгих размышлений и создания гипотез. Скучно ведь, особенно зимой – только и остается что думать, думать, думать…

Итак, первым делом – соединить края кости. Обломки сдвинулись, повредив при этом здоровую плоть. А все потому, что девочку после перелома не уложили на

лавку, не закрепили обломки кости плотной повязкой, и они свободно гуляли острыми краями разрушая мышцы и кожу. Еще чуть-чуть, и один из костей точно бы прорвал кожу и вылез наружу. Нехорошо!

А вот что хорошо: чужих рядом никого и девочка без сознания. А что это значит? Это значит, что во-первых ее не нужно обездвиживать, и девчонка не чувствует боли. Во-вторых, ни она, ни свидетели не смогут никому рассказать – что с ней делала лекарка.

Уна положила руки на сломанную кость, и ее чуткие, сильные пальцы начали работать. Уна будто видела сквозь кожу – вот косточка, вот ее острые края… надо свести вместе обломки, чуть-чуть нажать, подправить, и… щелк! Они встали на место. И будут стоять так до тех пор, пока девочка не шевелится, и пока куски кости удерживает Уна.

А теперь… теперь она станет делать то, что не умеют девяносто девять процентов людей на этом свете. А может и больше, чем девяносто девять. Уна будет Петь! Не петь, а Петь. Магическое Пение так же отличается от работы певцов, услаждающих слух и бедноты, и богачей – как небо отличается от земли.

Тихо-тихо, прикрыв глаза… первый Звук почти не слышен, он как шепот, он как дыхание… но в нем уже есть Сила. Ее надо совсем немного – дашь больше Силы, можешь повредить пациенту, всколыхнув организм так, что он сам себя съест, потратив все свои жизненные ресурсы. Дашь Силы мало – лечение получится не таким эффективным, как оно должно быть.

Уна редко прибегала к чистому использованию Голоса для лечения. Во-первых, это опасно – могут раззвонить по всей округе, и потом информация дойдет до тех, до кого не надо ей доходить. А во-вторых… хмм… хватит и во-первых. Лучше всего использовать заготовки снадобий, насыщенных магической энергией. Это и безопасно, и практически неуловимо – многие травы уже сами по себе являются источниками заживляющей Силы, так что среди магического фона, исходящего от этих трав, найти искорки Таланта Уны вовсе даже непросто – будь ты хоть магистром магии высшего ранга. А Магистры никогда не заглянут в этот медвежий и волчий угол. Они живут в столицах и всех их можно пересчитать по пальцам одной-двух рук.

Еще, еще звук… со стороны покажется, что Уна просто поет прикрыв глаза и слегка раскачиваясь в такт своему пению. Вот только почему в этом момент рядом с ней по коже проходит озноб, и волосы на голове непроизвольно встают дыбом? А еще – волна запахов, от самых приятных, вроде запаха роз и свежей хвои, до запаха падали и старого дерьма. Кахир возле печи даже фыркнул – животные, как и люди ощущают эти запахи, что кстати доказывает одну истину: звери мало чем отличаются от людей.

Пение медленно, очень медленно затихло, и Уна убрала руку с опухоли. Кость встала на место. Она не совсем срослась, нет – для этого прошло слишком мало времени, и слишком мало было затрачено энергии, но теперь чтобы переломить ее в этом месте надо хорошенько потрудиться. Уж одним движением хозяйки ее точно не переломить.

Уна взяла с тарелки приготовленную мазь и стала медленно втирать ее в плечо девочки, которая так и не проснулась во время процедуры. Да и не могла проснуться, потому что Уна добавила в Пение совсем чуть-чуть сонного ветерка. Теперь девчонка спала глубоко и спокойно вод воздействием могучей магии Пения.

Мазь тут же высыхала на теле больной, уменьшаясь в объемах и превращаясь в твердую корку. Уна убирала корку, и снова лепила, втирала пахучую массу в больное место пациентки, и это самое место буквально на глаза розовело, опухоль спадала, синяки рассасывались и желтели. Напоследок Уна прошлась по всем синякам и ранам, которые нашла на теле девочки, помазала остатками снадобья и только тогда устало опустилась на скамью у стола.

Последнюю корку на плече девочки она удалять не стала – после недолгого отдыха перевязала плечо бинтами, сделанными из некрашеного полотна, туго, но не так чтобы остановить ток крови. Хорошо! Теперь во что-то бы ее одеть… хмм… во что? Такую малышку! Она утонет в трусах Уны, которые будут ей как плащ. Впрочем – и это не вопрос. Постирать одежду найденыша, за ночь та и высохнет. До утра она все равно не проснется, это гарантировано. Ну а завтра уже и надо будет думать – во что ее одеть. В том наряде, что был на ней, на людях ей появляться не следует – слишком много будет вопросов. И слишком много внимания привлечет – и к себе, и соответственно к ней, Уне. А Уне любое внимание как нож острый – того и гляди приведет к нежданной крови.

Подняла девочку, закутала ее в простыню, отнесла на печь – камни хорошенько прогрелись, девочке сейчас очень хорошо будет как следует погреть спинку и ножки. Сверху накрыть ее тулупом – завтра будет как новенькая! Только худая. Но это ничего, еда есть! И всегда будет – Кахир король леса. Еще не было случая, чтобы он пришел из леса пустой, без добычи. Да и в закроме хватает и муки, и топленого масла, и всякой крупы, и соль есть, и сахар, и даже пряности. Уна осенью хорошенько закупилась. Слава богам – она неплохо поработала этим летом и осенью, лечила лесорубов и жителей Шанталя. Часть платы за работу ей отдали продуктами, часть – деньгами. Кроме того, у нее имелся неприкосновенный запас на тот случай, если придется бежать – десяток золотых монет, на каждую из которых непритязательный селянин смог бы со своею семьей прожить целый год не работая, и горсть серебра – тоже эдакая немалая кучка денег. Когда Уна спасалась бегством, она взяла с собой не драгоценности, а именно что обычные деньги – драгоценности очень трудно сбыть, особенно такие, какие были у нее. И если бы она начала их сбывать – ее тут же бы опознали и выдали преследователям. А деньги… они деньги и есть. Имперские деньги и деньги Королевства Левант ходят в обоих государствах и принимаются всеми торговцами без лишних вопросов. Оставила себе только колечко, подаренное мамой на инициацию – кольцо с огромным красным камнем. Дорогое, конечно, и показывать его нельзя – но Уна его очень любила и не смогла бросить. Тем более что оно всегда было надето на ее палец.

Постирать белье, выстирать штаны и куртку – ерундовое дело. Уна уже давно привыкла обслуживать себя сама, без слуг и служанок. Вначале было трудно, а потом… потом она привыкла. Человек ко всему привыкает. И кстати сказать – Уна никогда не была слишком уж избалованной штучкой: ее любимое занятие – сидеть в библиотеке, а потом устраивать всевозможные опыты с травами и минералами, после чего лаборатория воняла так, как не воняют даже городские помойки. Приходилось самой брать в руки тряпку и отмывать особо злостные потеки на стенах, образовавшиеся после взрыва очередной колбы. Слуги под страхом смерти отказывались зайти в это обиталище магии, они боялись ее до обмороков и судорог. Отец как-то попытался запретить ей заниматься не приличествующими принцессе крови делами, но Уна тогда так искусно закатила истерику – с падением на пол, судорогами, пусканием пены и последующим недельным лежанием в позе бревна (кто бы знал, как это было трудно – лежать, и ничего не делать!), что от нее отступились, махнув на девушку рукой. Все знали, что она бесполезный выродок славного древнего рода, и скорее всего, толку от нее не будет никакого. Весь расчет на трех старших братьев и двух сестер – красавиц и умниц, которые составят партию любому представителю королевской династии что с Юга, что с Севера или Запада. А она… пусть сидит в

библиотеке и не позорит свою семью.

Уна грустно улыбнулась, вспомнив, как была счастлива – ее наконец-то оставили в покое! Что может быть лучше?! И тут же загрустила, ведь никогда счастье не бывает вечным. Хотя конечно – такого поворота жизни не мог ожидать никто, даже она сама, с ее развитой магической интуицией. Нет, она всегда знала, что дядя, родной брат отца ненавидит их семью, считая, что трон должен был достаться ему, а не этому выскочке, отцу Уны, но кто мог предположить, что родная кровь решится на ТАКОЕ!

Вздохнув, Уна поплелась стирать, едва поднимая ноги, как какая-нибудь старуха. А ведь ей было всего… двадцать восемь лет! Всего двадцать восемь, и восемь из них она живет здесь, в глухом углу Империи Сен. И скорее всего – здесь и найдет свой последний приют. А больше всего она боялась не того, что ее найдут враги (А они ищут ее, точно! Ведь она единственный законный наследник трона, и всегда будет угрозой нынешнему королю!). Уна больше всего боялась остаться одна. Уйдет в Страну Вечной Охоты ее единственный друг, и что тогда ей делать? Как жить? У нее никогда больше не будет такого друга – верного, сильного, смелого и преданного просто потому, что она у него есть.

Кахир вдруг встрепенулся, повернул голову к Уне и посмотрел ей в глаза. В его темных зрачках плясали отсветы огня, пляшущего на углях в огромной печи, и Уне снова показалось, что Кахир читает ее мысли. Пес встал, подошел к ней и ткнулся в руку холодным влажным носом, будто говоря: «Ну чего ты?! Все будет нормально! Я ведь здесь! И уйду еще не скоро! Не печалься!». Уна присела на корточки, обхватила его шею руками и долго сидела так, вдыхая запах влажной горячей псины – пес нагрелся возле печи и даже слегка вспотел. Кахир терпел, не делая попытки вырваться, хотя он (Уна знала) терпеть не мог, когда его кто-то удерживал дольше пары мгновений. Даже Уна.

Уна не знала, сколько ей отпущено жить, как, впрочем, и большинству людей на этой земле, но она надеялась, что все как-нибудь, да утрясется. Нынешний король Леванта тоже не вечен – авось она его переживет, а его наследники, ее двоюродные братья, отличались редкостным раздолбайством и вряд ли будут так истово охотиться за двоюродной сестрой, пропавшей неизвестно куда и скорее всего сгинувшей бесследно. У них есть гораздо более интересные и важные занятия – например, охота. А еще – любовь, пиры и турниры. Как и положено молодым людям их возраста – настоящим представителям древних родов. Ну не торговлей же им заниматься, в самом-то деле?! Или книгочейством,

как безумная двоюродная сестра! Которая скорее всего до самой смерти останется сумасшедшей старой девой.

Уна развесила мокрую одежду, подумала… и вымыла странные туфли девочки. Они тоже не отличались чистотой. Потом долго выносила грязную воду, вычерпывая ее деревянным ковшиком. Вычерпав, вымыла бочку, вытерла, подумала… и слила туда остаток горячей воды. Добавила холодной, сбросила с себя одежду и долго, с наслаждением плескалась, поливая плечи, грудь и ноги обжигающей влагой. Хорошо было бы сделать пристройку-баню, но на это нужны деньги, а лишних денег у лекарки нет. Да и зачем ей баня, если она одна? Одной можно и в кадушке искупаться.

Вымывшись, растерла себя жестким полотенцем докрасна, будто стараясь содрать старую кожу. Провела по бокам мозолистыми ладонями, ничуть не похожими на ухоженные, белые ладошки принцессы крови. Ну что сказать… да, это тело далеко от совершенства – такого, каким его понимают представители аристократических родов. Оно больше подходит юноше, мужчине, чем девушке королевской крови. Жилистое, мускулистое, широкоплечее, с маленьким задом и длинными, юношескими ногами. Ни тебе благородной бледности и прозрачности утомленной мечтами девушки, ни тебе ласковой полноты сочной, готовой к любви девицы на выданье. Сплошные кости, да мышцы, узлами выпирающие из рук, плеч, ягодиц – в общем, откуда можно им выпирать, оттуда и выпирают. И здоровье Уны не такое, как у благородной девицы – в обморок по любому поводу не падает, запоров у нее не бывает, повышенного давления крови с кровотечениями через нос – тоже. При всей своей книгочейности, Уна никогда не пренебрегала физическими упражнениями, более того, некогда потребовала от отца, чтобы он разрешил ей заниматься вместе с дворцовой стражей – и атлетикой, и боевыми искусствами.

Опять же – скандал бы несусветный. Как это так – принцесса крови, и вдруг скачет по двору вместе с потными, возбужденными самцами?! Так и не получила разрешения. Зато добилась, чтобы ей выделили личного инструктора, который под страхом смерти за разглашение данного факта, учил ее боевым искусствам и занимался с ней совершенствованием тела. Учил, как надо правильно дышать, как правильно бегать, как концентрировать жизненную энергию, и как… убить человека тридцатью различными способами, начиная от ножа и меча, заканчивая палочкой для почесывания спины и веером, в который вшиты стальные, острые как бритва клинки. Пять лет мастер Кан учил Уну как выживать, если даже выжить на первый взгляд совершенно невозможно. И это

спасло ей жизнь – в отличие от ее сестер, братьев, отца и матери. Им не помогли ни гвардейцы, ни личная охрана – гвардейцы перешли на сторону заговорщиков, а личная охрана нужна только для защиты от сумасшедшего убийцы-одиночки. Если на тебя наваливается сразу человек тридцать – каким бы ты ни был умелым и сильным – тебе конец. Просто задавят массой.

Уну спасли ее умение быстро думать, ее умение концентрироваться и принимать верные решения. А еще – учитель Кан, который отдал за нее свою жизнь, и который был ее единственным другом. Он дорого отдал свою жизнь – тридцать с лишним гвардейцев никогда больше не вернутся к своим женам и любовницам. Но и сам он пал, изрубленный на куски озверевшими, разъяренными королевскими гвардейцами.

Уна потом слышала на базаре о том, как он погиб. Говорили, что с помощью своей заморской магии уложил по меньшей мере сто человек, и если бы не волшебник, который нейтрализовал заморское волшебство – так бы и ушел невредимым. Потому что демоны непобедимы. Уна разделила количество погибших гвардейцев на три – скорее всего это и было правильное число убитых. Молва всегда преувеличивает самое меньшее в три раза.

Что касается ее, «принцессы-колдуньи», как называли Уну в народе – она обернулась вороной и вылетела в окно. И теперь где-то за морем собирает свое войско из демонов, чтобы пойти войной на Светлого Короля Амбросия, низвергнувшего своего брата, одержимого демонами. Но у нее точно ничего не выйдет, ибо свет всегда сильнее тьмы.

Насчет света Уна была согласна, вот только что именно считать светом? Этого пропойцу, начинавшего утро с кружки молодого вина? Интересно, как это дядя сумел организовать заговор, если в любое время суток он находился в полупьяном, или вообще невменяемом состоянии! Уна подозревала… нет, даже была уверена! – что не обошлось без тетки, его жены, дочери здешнего императора. Тетка Клавия была очень умной, хитрой и расчетливой женщиной, и только ей было по силам организовать такой переворот. И Уна не удивится, если вскорости узнает, что дядя ушел на тот свет после очередного запоя, и теперь королевством официально (раньше это делалось из тени своего мужа) правит Королева Клавия, Светлоликая и Мудрая, дай ей боги долгие годы жизни на радость народу великого и могучего королевства.

Спать Уна легла далеко за полночь, и почему-то улыбка не сходила с ее полных губ. Когда она засыпала, под бочок тихонько подлез Кахир, обдавая смрадным дыханием после сожранной косули. Но Уна только хихикнула, как девчонка и прошептала ему в острое волчье ухо:

– Может все не так плохо, зверюга?

Но он как обычно ничего ей не ответил. Может просто не знал что ответить?

Глава 2

– Она ненормальная! Девке пятый год, а она и говорить не умеет! Позорище!

– А не надо было задом вертеть перед мужиками, выбрала бы нормального, родила бы от него, а не от всяких там заезжих ухажеров! А теперь матери норовишь навяливать?! У меня своих проблем хватает! Еще и с больной девочкой заниматься! Да и зарплата у меня не такая, чтобы еще и ты с меня деньги сосала!

– Что, трудно месяц-другой у себя подержать? Я может за то время личную жизнь устрою! А эта сучка мне мешает!

– Ты уже двадцать лет ее устраиваешь, эту жизнь! С самой школы! Не успевали веником ухажеров отгонять! В общем – нет, и нет! Родила, занимайся с ней сама! И точка!

– Ууу… сучка! Хотел вытравить суку, а она уперлась! – женщина с ненавистью в глазах бьет девочку наотмашь так, что та падает, ударяясь головой в стену возле шкафа в прихожей. Девочка заходится в рыданиях – тихих, почти беззвучных. Она давно отучилась плакать громко – плач мешает маме спать и целоваться с новыми папами. Потому Диане надо тихо сидеть на кухне, и не высовываться.

Хорошо хоть на кухне есть маленький телевизор – по нему иногда показывают мультики. Диана очень любит мультики. Особенно сказки. В сказках все добрые,

хорошие, и мамы любят детей. Мама Дианы злая, она ее не любит. А иногда, когда пьяная, очень сильно не любит и делает ей больно. Один раз сунула ее в ванну и держала под водой, хотела утопить. Новый папка, который тогда был дома, не дал ей этого сделать. Сильно ругался, даже ударил маму, у нее потом был синяк. А мама потом мстила Диане – она тушила об нее сигареты. А когда Диана рыдала от боли и обиды, сказала, что если та кому-нибудь расскажет, сломает Диане руки и ноги, и бросит ее в лесу. Чтобы Диану волки съели.

Диана никому не сказала. Она привыкла терпеть. Сколько помнила себя – все время терпела. Ей все время было больно и плохо. Мама постоянно говорила, что не успела сделать аборт, и потому родила эту сволочь и гадину, которую надо было задушить ее в колыбели, чтобы не позорила своей умственной отсталостью. И что такая тварь никому не нужна, даже родной бабке!

Да, это была правда. Нет, не насчет того, что Диана была умственно отсталой – она была умной девочкой. По крайней мере, не глупее сверстников. То, что она до сих пор не умела говорить – это не от глупости. Она подсознательно не хотела говорить. С этими людьми. С этим существом, которое почему-то называют «мама». Она не мама. Мамы другие, Диана знала, какие бывают мамы. Диана смотрит телевизор, там мамы настоящие. Они веселые, любят своих детей, кормят их вкусной едой, а не объедками, не бьют и не выгоняют на лестницу ночью, чтобы целоваться с дядьками. Так о чем говорить с этой мамой? Диана вначале просила ее не бить, не мучить, называла мамочкой… но та только злилась и била еще сильнее. И тогда Диана замолчала. И кричала только раз, когда ненастоящая мама хотела ее утопить.

Ненастоящая мама дернула Диану за руку, швырнула к двери – Диана невольно вскрикнула от боли – плечо болело так же, как когда-то болел бок. Долго болел – мама тогда толкнула ее на угол шкафа и у Дианы что-то хрустнуло. Дышать было трудно, а мама ничего не заметила. И хорошо, что не заметила. Чем меньше она замечала Диану, тем меньше Диану мучила.

– Пошла! Чего разлеглась, сука! – пьяный голос мамы резанул по ушам, и Диана поскорее постаралась подняться, чтобы не получить новых ударов.

– Ты совсем девчонку замучила! Вот подам на тебя заявление о лишении родительских прав!

– Да что ты говоришь?! Да подай! Плевать мне на твое заявление! И на тебя плевать! Тоже мне, мамаша! Внучку не может подержать у себя! Пошли вы все в жопу! Все, все! Жизни нет никакой! Достали!

Распахнулась дверь, обдав Диану холодом из неухоженного, ободранного подъезда. Стекло в форточке окна на площадке было разбито, и морозный сибирский воздух свободно проникал в убогое помещение, давным-давно нуждавшееся в ремонте. Но ремонтировать никто не собирался – эти дома давно должны идти под снос, так что деньги вкладывать никто не будет. Но когда именно под снос – никто не знал. Так, в подвешенном состоянии можно жить и год, и пять лет, и двадцать – все зависит от удачи, и от того, с какой ноги сегодня встал глава города. А может, зависит и еще от чего-то – о чем жители, списанные вместе со своими домами не знают, и знать никак уж не могут. Их дело – терпеть и мечтать о новой квартире, о горячих батареях центрального отопления, о виде из окна не на стихийную помойку, а на садик с детской площадкой.

Но ничего этого Диана не знала. Затравленный зверек, лишенный любви, она жила только самыми простыми желаниями, можно сказать – инстинктами. Спрятаться в норку, добыть еду, согреться, уснуть. И все. Больше ничего. Ах да – еще посмотреть волшебный ящичек, окно в иной мир, в мир сказок и добра. Если бы можно было попасть туда, в этот ящичек!

По деревянной щелястой лестнице Диану буквально протащили – едва не волоком. Она кусала губы от боли, но не издала ни звука. И только слезы текли по щекам, противно холодя шею и плечи под тоненькой смесовой курточкой. Куртка холодная для этой погоды, уже морозы, первый снег выпал, но мама считала, что девчонка обойдется тем, что у нее есть. Небось не замерзнет. Пусть быстрее идет, тогда и согреется.

И они пошли. На улице темно, горят редкие фонари… страшно! Где-то там бегают волки… вот так ухватят за бочок, и унесут в лесок! И будут откусывать по кусочку…

Диане было холодно, а стало еще холоднее – она представила, как это больно – когда по-кусочку. Лучше бы сразу – откусили голову, и все тут! Она слышала по телевизору, как дяденька с бородой говорил, что все люди после смерти куда-то улетают. И там хорошо. Ну… там, куда они улетают. А тут они не должны грешить. Диана не знала, что такое грешить. Наверное грех, это когда она

мешает маме целоваться с дяденьками. Но Диана старается не мешать. Только кушать очень хочется…

– Иди! Чего рот раззявила!

Диану буквально вздернули за руки вверх, как куклу – мама очень сильная, очень. Наверное, Диана скоро умрет. Мама ее очень не любит. Она уже сделала двенадцать абортов, а вот тринадцатый не успела, потому получилась Диана. Что такое аборты Диана не знает, но мама постоянно твердила ей, что тринадцатой должна быть она, Диана, и что сволочь, потому что выжила.

Что такого плохого в том, что она выжила – Диана тоже не знала. Ей бы добраться до дома, там что-нибудь съесть… например пирожок, который бабушка сунула ей в карман, и все будет хорошо. Она согреется, уснет… а во сне ничего не болит. И сны снятся хорошие!

Ей в прошлый раз приснилось, что у нее есть собака. Огромная такая! Как в телевизоре. Там такой смешной пес был… Диана проснулась с улыбкой, ей давно не было так хорошо. А потом стало плохо. Мама потащила ее к бабушке, и Диана знала, что ничем хорошим это не закончится. Бабушка тоже ее не любит. Сунет булочку, или пирожок, а у себя все равно не оставляет. Диана плохая. Никому не нужная. Только собачке! Но собачка во сне, а до дома еще идти и идти. Под джинсами только трусики – холодно. И ветер дует. Какой он холодный!

Диану начало трясти, плечо ужасно болело, хотелось немножко отдохнуть, но мама тащила ее и тащила… Мир начал расплываться, и Диане вдруг сделалось тепло и хорошо. Она потеряла сознание.

Женщина выругалась, с ненавистью и отвращением посмотрела на дочь, потом перевела взгляд на небо, усыпанное колючими ноябрьскими звездами, на темную, пустынную окраинную улицу, освещенную редкими фонарями, и вдруг решилась: она волоком оттащила девочку с тротуара, и подтащив к пустой, сваренной из листового металла остановке общественного транспорта, положила девчонку позади нее, в темноту, под напитанную ледяным холодом железную стенку. Еще раз воровато огляделась по сторонам, и уже не оглядываясь зашагала туда, куда собиралась идти. Домой, где ее ждет бутылка коньяка, крепкие объятья мужчины и свободная, счастливая жизнь. Потом скажет, что несчастная дочка вырвалась, убежала в темноту – мама ее искала,

искала, так и не нашла. Поплачет на похоронах – еще и денег соберут на гроб и поминки, ведь такое несчастье! Такая маленькая девочка, и вот тебе! А потом все будет хорошо. Исмаил обещал ее взять замуж, а он богатый – у него пять торговых павильонов! И точки на базарах! И он такой хороший любовник…

Она уже забыла о девочке, будто ее никогда и не существовало. А может и не существовало – это была иллюзия, дым! Дым рассеялся и теперь можно дышать свободно. Хорошо!

* * *

Хорошо!

Диане было очень хорошо. Она свернулась калачиком и сладко спала. Ее не мучил холод, не мучила боль. Во сне нет боли и холода! Во сне есть только радость и счастье! И еще – собачка! Огромная, добрая!

Диане ужасно захотелось туда, к ней, к собаке! Так захотелось, что… что не выразить ни словами, ни… ничем не выразить. Даже если ты умеешь это делать. А Диана не умела. Она просто хотела уйти, и как можно дальше. Навсегда! Из этого злого мира, от этой злой «мамы», к собачке. К большой и доброй собачке! И к доброй маме. Ведь не все же мамы злые, она знает! Она видела в кино! Мама испечет ей пирог! Не такой, как у бабушки, старый, засохший, а хороший, вкусный!

Диана улыбнулась, и… исчезла. И там, где она лежала, осталась вмятина в наметенном за вечер первом, грязном еще снегу. И пирожок, выпавший из кармана. Трехдневный, старый, с луком и яйцами. Диана так и не успела его съесть.

* * *

Очнулась она от того, что мама снова хотела ее утопить и пихала в воду. Вода теплая, но Диана помнила, как тогда хотела дышать, как вода заливалась ей в нос, в горло, как было мучительно больно, и как хотелось жить. Она закричала – страшно, громко, так, как не кричала очень давно! В прошлый раз Диана успела

оттолкнуться ногами и выставить голову из-под воды, вдохнула воздух и тоже закричала. И тогда прибежал дядька и ударил злую маму. И Диана стала дышать. Вот и сейчас – она закричит, прибежит дядька и спасет Диану!

Но дядька не прибежал. Прибежал невероятно огромный, страшный серый волк и остановился перед Дианой, пытающейся вырваться из рук злой мамы! И стало еще страшнее! Поняла: мама привела волка, чтобы он растерзал Диану. Или отдать ее волку, после того, как утопит.

И Диана кричала, Диана давала свой последний бой! Она не сдастся! Никому! Никогда! Ни волкам! Ни злой маме!

АААААА! АААААА!

И тут волк гавкнул – так громко, так звонко, что Диана захлебнулась своим криком и замолкла. Это был не волк! Это была собака! А волки боятся собак! Диана знает!

Пес подошел к Диане и вдруг улыбнулся! Оскалил белые, невероятно огромные и красивые клыки – такие, как были у собачки во сне! А потом лизнул Диану горячим, шершавым языком. Это было приятно… и все как в самом лучшем сне!

Диана посмотрела на маму, и… вдруг поняла – это не Злая Мама! Это… тетя! Какая-то тетя! Очень красивая тетя – стройная, темноволосая, полногубая, большеглазая, совсем не похожая на Злую Маму, губы которой вечно были сложены в тонкую злую линию. И только для дядек эта линия становилась улыбкой – не для Дианы. Тетя, похожая на сказочную фею, смотрела на девочку улыбаясь, так добро, так хорошо, что Диана перестала сопротивляться и отдалась ее теплым, сильным, ласковым рукам. И погрузилась в теплую воду. А потом – в сладкий-пресладкий сон. И ей ничего не снилось. А как может сниться сон, если она уже во сне? Ведь во снах сны не снятся!

* * *

Проснулась от того, что… ей было очень хорошо. Не просто хорошо, а ОЧЕНЬ! Ничего не болело, ничего не ломило, и было так хорошо, так уютно! Как во сне. Ну да, конечно же, она еще спит! И видит сны! И какие! Ей такая замечательная

собака приснилась! По виду – как волк – уши стоят, серый, глаза будто светятся, зубы огромные… но добрый! Улыбается! И гавкает. Ох, как громко гавкает! От такого гава все волки точно разбегутся. Не любят они когда на них такая собака гавкает! Волки – они только маленьких девочек не боятся, а вот таких собак – просто писаются со страху! Бегут – и писаются!

Диана тихонько хихикнула, представив, как бегут писающиеся волки, и вдруг поняла – а она ведь не спит. Она лежит в совершенно незнакомом месте, и ей очень, очень тепло. Даже жарко. И она… голенькая?! Ой! Совсем голенькая!

Ощупала себя – точно, на ней ничего нет кроме чего-то вроде простыни. А еще – на ней лежит что-то мохнатое, Диана видела такое пальто у бабушки. Она называла его «тулуп». Таак… тулуп… бабушка… она у бабушки?! А почему так темно? Ночь? А тогда почему бабушка ходит посреди ночи? Там точно кто-то ходит!

Попыталась сесть, встала на колени, и… БАМ! Ударилась головой о что-то твердое! Даже искры из глаз посыпались!

– Ой! – невольно вскрикнула, и тут же шаги на пару секунд затихли, будто человек внимательно прислушивался, а потом… топ-топ-топ… и в глаза Дианы ударил яркий свет, идущий от лампочки, закрепленной на потолке. Девочка увидела улыбающееся лицо прекрасной феи из сна, и обмерла, не в силах поверить в случившееся – неужели она еще спит? Фея может быть только во сне! В сказке! В жизни их не бывает, иначе бы фея обязательно бы помогла Диане, спасла бы ее от мучений! А может все-таки есть, и она прилетела! На вертолете! На голубом!

– Яй! Амара ту фан! Эгей, мара, каран бар!

– Что? Я не понимаю! – Диана сжалась, потянула на себя простыню, она вдруг остро почувствовала, что совсем раздета. И ей стало стыдно. Фея, волшебница, а она перед ней голенькая! И где одежда?! Куда подевалась ее одежда?!

Волшебница похоже что поняла ее, улыбнулась и сделала пару шагов в сторону. Затем протянула руку и подала Диане ворох одежды – трусики, маечку, джинсы и тонкий свитер. Ее одежду, Дианы. Девочка приняла одежду, сунул под простыню, и красная от стыда стала одеваться. Фея снова хитро улыбнулась,

почему-то укоризненно помотала головой и шагнула в сторону, исчезнув с глаз Дианы. Что-то загремело, и вдруг по комнате разнесся такой упоительный, такой замечательный, такой… такой… запах… что… в общем – запахло мясным супом, и у Дианы громко (она сам удивилась – как громко) забурчало в животе. И девочка была уверена, что услышала смешок – кто-то хихикнул, непонятно почему. Неужели потому, что Диана так громко бурчала животиком? И что тут такого смешного? Она давно уже не кушала, и…

Вот сейчас Диана точно почувствовала, как давно не кушала. Ужас – как давно не кушала! Сейчас хотя бы маленькую корочку хлеба… огрызок пирога… пирожок, который дала бабушка! Девочка точно вспомнила, что не съела пирожок. Он, наверное, остался в кармане куртки. А где куртка? Конечно же фея не будет ее кормить замечательным фейским супом. Диана недостойна этого супа. Она плохая, сучка, тварь – мама так всегда говорила, когда Диана просила что-нибудь вкусненького из того, что мама принесла. Говорила, что она не заслужила хорошей еды. Девочка не знала, как ее можно заслужить – она как-то спросила маму, как именно ей заслужить вкусную еду (это было еще до того, как Диана замолчала), так мама ее сильно побила. А потом плакала, глядя на разбитое лицо дочери. Плакала, и все равно называла ее тварью и гадиной. Этих мам не поймешь, они наверное все такие странные. Хотя Диана знала только одну маму в жизни, и много мам из телевизора. Наверное, настоящие мамы все такие странные и злые.

Одевшись, Диана успокоилась начала внимательно осматриваться по сторонам. Вернее – в одну сторону, потому что другая была закрыта занавеской. Эта сторона тоже была закрыта, но Диана сдвинула занавеску, и теперь можно рассмотреть все как следует.

Это большая комната. Можно даже сказать – огромная. Для Дианы, конечно – она ведь еще маленькая, и для нее все комнаты огромны. Даже кухня, в которой ее запирали, чтобы не мешалась и не раздражала маму. Но эта комната была размером как много кухонь! Сколько именно – девочка не знала. Она не умела считать. Как, впрочем, и читать. Ее никто этому не учил.

Комната – как из сказки! Стены из огромных, толстых бревен – Диана видела такие в кино в сказках про богатырей. Стол посреди комнаты – тоже как для богатырей! За него могут усесться сразу… много! Много людей!

В углу – полочки, на них какие-то фигурки. Смешные такие – тетеньки, дяденьки, бородатые и гладкие, одна тетенька даже голенькая стоит! Только с крыльями. Красивые фигурки.

На столе – чашки, ложки, и хлеб – дырчатый такой, и видно – вкусный-превкусный! Если его посыпать солью, налить в кружку молока, откусить кусочек, запить холодным молоком… ммм… это так вкусно! Так здорово!

Снова забурчал живот, и Диана невольно ойкнула, положив на него руки и зажав, будто уговаривая не бурчать. Она же дома у феи, как можно так шуметь?! Что, потерпеть нельзя?!

Фея появилась сбоку – прекрасная, как… сон! Поставила на стол чашку, откуда исходил дразнящий мясной запах, махнула рукой и что-то сказала – непонятно что, но смысл был ясен, она приглашает Диану слезть с лежанки и сесть за стол. Диана с сомнением посмотрела вниз – высоко! Страшно! Правда внизу стоит лавка, но попробуй-ка, дотянись до нее!

Фея поняла, широко улыбнулась, подошла и прежде чем Диана успела что-то предпринять или о чем-то подумать – выдернула девочку неожиданно сильными руками и прижала к себе, глядя в глаза своими черными, с искорками глазищами. Диана только и смогла, что пискнуть и затихнуть в могучих объятьях волшебницы. А та снова засмеялась и неожиданно наклонилась и поцеловала Диану в лоб. Девочка вздрогнула, и… и потекли слезы. Диана сама не знала – почему. Может потому, что она вдруг с тоской, болью и отчаянной надеждой захотела, чтобы эта женщина была ее настоящей мамой! Той самой – из сказки, из телевизора, Мамой!

Фея бормотала что-то непонятное, утирая ей слезы, а потом вдруг сама заплакала, всхлипывая, прижимая девочку к себе, и покачивая, как младенца. Наконец они обе наплакались, успокоились, и поморгав своими огромными ресницами фея широко улыбнулась и усадила Диану за стол. Подвинула к ней чашку с варевом, положила рядом с чашкой красивую глубокую ложку, расписанную странными, невиданными девочкой узорами, положила ломоть хлеба. Подумала секунду, и повязала на шею Дианы тряпочку – точно так, как Диана видела это в кино. Это чтобы одежду не пачкать!

Девочка нерешительно взяла в руки ложку, ожидая, что она окажется очень тяжелой – большая же! Но ложка оказалась очень легкой и удобной. Но Диана все равно медлила – сама не знала почему. Сидела, косилась на фею, разглядывала ложку, и вдыхала замечательный запах бульона. Тогда фея улыбнулась, укоризненно помотала головой и забрала ложку из руки Дианы. Девочка сразу расстроилась – ну вот, как она и ожидала – недостойна вкусной еды! Но оказалось, фея собралась ее кормить сама, как маленькую девочку, как младенца. Она поболтала в чашку, поднимая со да гущину, подула в ложку, попробовала, а потом решительно поднесла ложку со всем содержимым к губам Дианы, коснувшись краем ложки зубов девочки. Та непроизвольно шире открыла рот, и… в него полилась восхитительная струя вкусного, пряного мясного бульона!

Диана закашлялась, проглотила суп, и вот возле ее губ еще одна ложка! И ее содержимое проглотила. Потом нерешительно перехватила ложку у феи (что она, Диана, маленькая, что ли?), и начала есть сама – осторожно черпая из чашки и заедая мягким, тоже пряным хлебом. Вкусно! Было ужасно вкусно!

Содержимое чашки кончилось очень быстро, даже кусок хлеба доесть не успела. Нерешительно покосилась на фею – не даст ли еще вкусноты? Но та поняла и решительно помотала головой – нет! И тут же показала на живот, потерла его и сказала:

– Ой-ой! Оооой!

Диана задумалась – что бы это значило?! Потом догадалась – фея хочет сказать, что будет больно животик! Ну да, Диана хоть и маленькая, но уже знала, что если долго не есть, а потом сразу много скушать, будет болеть животик.

Потом фея налила в кружку чего-то вроде компота. Наверное, это и был компот, только вкус немного непривычный, не такой, как у бабушкиного компота. Злая Мама никогда не давала Диане компот, только бабушка. Компот Диане нравился, он сладкий, а еще – кисленький. Вкусный! И этот тоже был вкусным. Диана высосала всю кружку, доедая свой недоеденный кусочек хлеба, и устало откинулась на спинку стула. Хорошо тут у феи! Как в сказке!

И тут… ей захотелось пи-пи. И так захотелось, что Диана пискнула, согнулась и ухватилась руками за низ живота. Ой, плохо! Не хватало еще написать на стул

волшебницы! Она за это превратит Диану в крысу! Или еще чего хуже – в таракана! И что делать?!

И снова волшебница поняла – улыбнулась, подхватила Диану, сняв ее с подушки, положенной на стул (чтобы повыше сидеть!), и взяв за руку повела ее за печь, в дальний угол комнаты. Тут нашлись и Дианины кроссовки – старенькие, но еще крепкие, они не были такими чистыми наверное с самого их рождения. Фея помогла Диане обуться, и через пять минут уже рассказывала, как пользоваться заведением под названием «хайлар». Видимо это на фейском языке так назывался туалет. Странный это был туалет – унитаза нет, водой не смывается… деревянный стул с дыркой, и все. А еще – кувшин с водой, полотенце, мыло и все такое. Улыбаясь и подмигивая, фея жестами наглядно показала Диане, как следует пользоваться этим странным заведением, и что делать с кувшином. Не совсем, конечно, показала, только изобразила, но Диана все прекрасно поняла – она ведь была умненькой девочкой, что бы там про нее не говорили дураки! Когда фея решила, что Диана усвоила урок, она вышла, притворив дверь, и оставила Диану одну.

Как ни странно, здесь не было холодно, хотя и прохладнее, чем в комнате. Диана подождала (сама не зная – чего именно), а потом резво сняла штанишки и проделала все, чему ее научила волшебница. И ей это даже понравилось – забавно ведь, как игра! Вымыла руки с мылом и довольная пошла обратно в комнату. У порога разулась, и пошла по полу в одних дырявых носках – пол был покрыт ковриками и ковровыми дорожками, так что ногам совсем не было холодно.

* * *

Уна проснулась совсем рано, еще затемно, хотя необходимости в этом никакой не было. Просто проснулась, и все тут! Темно, тихо, за окном непроглядная тьма. Кахир еще посреди ночи выпросился на улицу – носиться под звездным небом по морозному лесу – что лучше этой забавы? Так он считает, не Уна. Откуда она знает, что он так считает? А знает, да и все тут! Если он может угадывать ее мысли – почему ей не обладать таким умением? Столько лет вместе – каждый пук друг друга известен и определим.

Встала, накинула на себя халат – спала, как всегда, обнаженной – так привыкла, и так ее учил Учитель. Во сне тело дышит и соединяется с пространством

посредством открытых энергетических каналов. А если закрылась, закуталась в толстые тряпки – никакого тебе соединения.

Впрочем, Уна никакого такого соединения не чувствовала. Просто ей было приятно ощущать обнаженной кожей тонкую ткань одеяла и мех верхнего, мехового. Она накрывалась им тогда, когда печка выстывала и становилось холодно.

Поднявшись, подошла к печи и послушала дыхание девочки. Убедилась – та жива, спит крепко и спокойно. Хорошо! Улыбка невольно вспорхнула на лицо Уны. Странное дело, да – раньше Уна улыбалась не так часто, а вот теперь, когда появился этот найденыш…

Странная девочка. Непохожая на местных. Местные – в основном блондинки, как и положено северянкам, ширококостные, сильные, и что греха таить… не очень красивые. Хотя… как это рассмотреть. Если с точки зрения южанки Уны красивая женщина должна быть утонченной, худенькой, гладкой и не очень большой – местные считали, что красивая женщина обязательно широкобедрая, плечистая, мощная! И мешок муки поднимет, и пьяного мужа домой отнесет, и лошадь на скаку кулаком срубит. И ребенка легко родит. А такие как Уна – ущербные, несчастные, никудышные.

Впрочем, так оно и есть – Уна никудышная, раз не может родить. И ничего с этим не поделать. Еще когда она была ребенком маги-лекари сразу определили: неспособна на роды. Потому ее судьба и была такой… хмм… неправильной. Не такой, какой положено быть судьбе «порядочной» принцессе. Что по большому счету ее и спасло.

Мысли, мысли… чего тут думать? Завтрак надо готовить. Скоро девчонка проснется, и ее надо будет откармливать. Именно откармливать, а не кормить – такую худобушку надо как следует пичкать едой. Пока не наберет нормальный вес. А то как птичка певчая – одни ножки, да клювик!

Улыбнулась. Ага, птичка певчая! Так завопила… птичкам и не снилось! Голосяра – как… как… хмм… непонятно – у кого. До сих пор в ушах звенит!

Уна весело хихикнула (она вообще не любила долго печалиться), и принялась шарить по закромам в поисках пряностей. В суп надо было добавить не просто

пряности, а еще и те, которые возбуждают аппетит и подстегивают жизненную силу. Пусть быстрее восстанавливается! Пусть нагуливает аппетит!

Быстро, и без брезгливости, разделала мясо принесенное Кахиром. Не для себя – для пациентки. Сама и кашку с тыквой поест – полезно и вкусно. Поставила котел на плиту, добавив в печь на уголья свежих поленьев (ночью пару раз вставала, подбрасывала, уже в привычку вошло). Дрова сама напилила – летом и осенью. За то время, что здесь живет, обросла инструментами, в том числе и стальной пилой, довольно-таки большой ценностью в лесном краю. Без пилы дров не напилишь, придется нанимать работников, деньги платить. А Уне в охотку попилить бревна – двигаешь рукоять пилы и думаешь о своем… вжик-вжик, вжик-вжик… успокаивает, как медитация. Теперь вдвоем пилить будет – вдвоем-то сподручнее!

Почему уверена, что вдвоем? А некуда девчонке уходить. Не местная эта девочка. Почти что копия Уны в детстве – такая же темненькая, ушастенькая, худенькая. Как дочка! Если бы Уна могла родить.

Взгрустнулось, но тут же грусть вытеснили мысли о другом. Что-то давно не было больных, целую неделю. Так-то оно вроде и хорошо – для людей хорошо – но ей-то на что жить? Не хочется заветную заначку потрошить. Это только на крайний случай.

Оделась, пошла к проруби, захватив с собой здоровенный лесорубный топор. Махала им Уна очень ловко, как завзятый мужик, и скоро в разлетающихся ледяных брызгах забурлила темная вода. За ночь прорубь крепко промерзла, так что с первого-второго удара не сдалась. Мороз крепчает!

Скоро день зимнего перелома, когда солнце дает людям самую долгую ночь, а потом поворачивается на лето. В день поворота устраивается праздник Поворота. Уна на него ходит – почему бы и нет? Ее там ждут. Она хорошо поет, и все ей очень рады. Хоть Уна и затворница, но и ей иногда хочется побыть в человеческом обществе. Опять же… она молодая, крепкая женщина, и ей тоже хочется мужчину. На постоянные отношения Уна не решается, да никто особо и не горит желанием взять в жены бесплодную (Уна сразу распустила этот слух, поделившись с одной из знакомых «по-секрету»), но красивый молодой лесоруб с мозолистыми руками, или пышущий здоровьем купец с крепкими, ласковыми объятиями – иногда можно позволить себе расслабиться, и забыть, что она принцесса крови. Тем более что их объятия ничем не отличаются от объятий

какого-нибудь родовитого наследника старой дворянской династии либо гвардейского офицера. Уж Уна-то это знает точно. Она не отличается особой любвеобильностью, но как лекарка, знает – для здоровья очень даже полезны пусть и редкие, но достаточно регулярные любовные соития. Без этого женщину ждет куча всяческих не очень приятных болезней.

По крайней мере, об этом говорят многие медицинские трактаты – на себе Уна такое не проверяла. Тем более что Уна женщина одинокая, брачными узами не скованная, и вообще – кому какое дело?! Неужели не имеет права хоть немного себя порадовать? Главное – не иметь дел с женатыми мужчинами. В противном случае тут не жить. Бабы объединятся и сожгут вместе с избушкой. Потом пожалеют, да – лекарки-то рядом не будет! Но вначале сожгут.

Вернулась, положила топор на его место – за дверь (Там ему самое место – на всякий случай. Мало ли…), взяла коромысло, ведра и пошла за водой. Сделала три ходки, и пока притормозила. Достаточно воды!

Накрыла на стол в ожидании, пока сварится бульон, хотела заняться приготовлением снадобий – впрок, и тут вдруг вспомнила, что теперь не одна и девочка спит, а греметь пестиком в ступке и разбудить дитя очень уж не хотелось. Тогда оставила свои планы на ближайшее будущее и пошла в красный угол, туда, где стояли статуэтки богов.

Кто ей помог? Кто услышал ее затаенные желания, ее мечту? Кто послал ей Найденыша, Дайну? Она так и решила, что будет звать девочку найденышем-Дайной. Почему бы и нет? Скорее всего имя девочки какое-нибудь экзотическое, заморское, не нужно привлекать к ней внимание. А Найденыш, Дайна, или Дайн – вполне себе распространенное имя на Крайнем Севере. Так издавна называли самых желанных детей.

Итак, кто это? Богиня любви Аула?! Уна погладила статуэтку обнаженной девушки с крыльями за спиной, удивительно похожую на нее, Уну. Она такая же стройная, сухая – дай ей крылья, и тоже взлетит! Вот только любовного лука, коим богиня насылает любовь нет у Уны.

А может это бог лукавства Серхи? Нет, этот толстенький божок чисто пакостник. Гадость какую-нибудь наслать – это запросто, а вот прислать желанного ребенка – кишка у него тонка.

Тогда, наверное, Мать Богов, Асана. Это она покровительница всего рожающего и плодоносящего. Она родила Мир после соития с Создателем. По крайней мере, так говорится в храмовых книгах. Уна не представляла, как это женщина может родить Мир, но не верить храмовникам у нее не было оснований. Это их работа, они лучше в ней разбираются. Они же не лезут к ней с советами, как лучше сделать снадобье!

Уна встала на молельный коврик перед статуями, и обратилась ко всем сразу, стараясь перечислить и не забыть даже самого ничтожного и неприятного из божков – даже бога Лжи Сидура:

– Я не знаю, кто послал мне такое счастье, но спасибо вам за все! Я принесу вам жертву – как только попаду в храм. Благодарю вас, всемогущие!

Выполнив положенное, с легкой душой одним плавным движением встала на ноги, потянулась, и вдруг взорвалась серией мягких, но очень быстрых движений. Было похоже, что она бьется с кем-то видимым только ей – очень быстрым и ловким. Уна то вставала на одну ногу, то замирала, как цапля на болоте. Это продолжалось недолго, но Уна даже вспотела – у нее на лбу выступили капли чистого, здорового пота. Хорошо! Приятно ощущать себя сильной, быстрой… здоровой!

Уна вообще редко болела. Нет, не так – она вообще не болела, если не считать болезнью ушибы, порезы и уколы иголкой. Да и те у нее зарастали за считанные часы – правильные снадобья и железное здоровье делали свое дело.

За занавеской послышался какой-то звук, и Уна замерла, сделав шаг. Постояла, послушала, на печи завозились, и послышалось:

– Ой! – вместе с отчетливым – «бам!»

Ага. Это «бам» неспроста – Уна улыбнулась. Она тоже билась головой о потолок, когда лежала на полоке. Забудешься, сядешь спросонок, и бам! Готово дело! Аж искры из глаз. Долго не могла привыкнуть.

Подошла к печи, отдернула занавеску. Оп! На нее смотрят два испуганных черных глаза. Копна спутанных волос (потом ими займемся!), шрамы на лбу (тут без челки до бровей не обойдешься, вот же твари, изувечили девчонку!),

худенькие голые плечики. Испугалась, натянула на себя простыню, сжалась в испуге.

Уна улыбнулась, сходила за одеждой, отдала малышке и задернула занавеску. Похоже что там, где девочка раньше жила, очень трепетно относились к обнаженности тела. Это бывает, и нередко. Уна много читала, и знала, что больше всего табу на обнажение тела существует в странах, которые расположены в холодных районах мира. А вот в южных краях частенько запретов на обнажение не существовало вовсе. Люди спокойно относились к голому телу, и не видели в обнажении ничего запретного или постыдного. Скорее всего это закономерно – в жарких странах противопоказано усиленно укутывать свое тело – эдак можно и помереть от перегрева. А вот на севере – тут без теплой одежды никак. Банально, и наверное скучно, но это правда.

Уна происходила из теплых краев и ей было плевать на условности северян, но как ящерица, меняющая свой цвет в зависимости от того места, на котором находится – бывшая принцесса меняла свою внешность и свои привычки, приспосабливаясь к обычаям конкретного места. Если бы здесь зимой и летом ходили в меховых шапках – она бы так и ходила. Нельзя выделяться из толпы, нельзя обращать на себя внимание.

Времени прошло довольно-таки много, но Уна знала, как эффективно могут работать тайные службы Королевства – если захотят, конечно. Но они хотят. Дядя умеет мотивировать – кого деньгами, а кого страхом смерти. Нужно признать, что правителем он оказался гораздо более умелым, чем ее покойный отец. Уж дядя-то точно не допустит такого вот всеобщего заговора против короля!

Сходила к плите, взяла с полки глубокую чашку, поболтав в кастрюле, налила в чашку мясного бульона. Пряный запах ударил в нос, и Уна слегка отшатнулась, вздохнула – может пересилить себя, начать есть мясное? Не выглядит ли на самом деле глупо эта ее странная для обычных людей привычка? Местные на нее поглядывают с усмешкой – мол, какая-то странная, как не нашей веры! Это где-то на юге есть люди, которые едят только растительную пищу и не убивают животных. Может ты как раз с юга? То-то черненькая такая! И худая! Не как наши девушки!

Уна слышала такое не раз, и не два. И ей это ужасно надоело. Однажды она не выдержала и пригрозила – те, кто будут ее доставать – пусть лучше не приходят

за помощью! Отстали. Может, напугались, а может, не хотели ее обижать. Хотя тут разных людей хватает… и таких, что даже видеть не хочется. Впрочем – как и везде. Нет в Мире совершенства.

Через пару минут Уна выяснила одно странное обстоятельство: Дайна совершенно не понимала языка, на котором говорит Уна.

Поставила чашку на стол, обернулась к девочке, наблюдавшей за ней с полока, махнула рукой:

– Ну что ты там засела, как птичка в гнезде? Пойдем, завтракать будешь!

Девочка непонимающе сдвинула брови, будто силилась понять слова Уны, потом ее лицо разгладилось – вроде как поняла. Двинулась слезать, и… остановилась. Высоко!

Уна недовольно цокнула языком, ругая себя за глупость – забыла, насколько девчонка мала, подошла к печи и легко, как щенка или котенка выдернула девочку из «норы». Прижала к себе, подержала пару секунд, и под нахлынувшей волной нежности вдруг взяла и поцеловала Дайну в лоб. Девочка вздрогнула, губы ее скривились и она заплакала. Тихонько так, почти беззвучно… Уна прижала ее к себе, покачивая и баюкая, и была девочка такой уютной, такой невыразимо… родной! И Уна тоже заплакала, уже второй раз за последние сутки, что было для нее просто невозможно. Она выплакивала горючими слезами свою мечту о нормальной семье, о муже, о детишках, о том, чего она была лишена, и чего никогда не могла получить – даже если бы так и оставалась левантийской принцессой.

И так они плакали с минуту, может меньше. Потом Уна взяла себя в руки, улыбнулась, вытерла слезы себе, девочке, и усадила ее за стол в высокое деревянное кресло-стул, подложив под попку девочки туго набитую подушку.

Почему-то Уна думала, что девочка сейчас бросится есть – схватит ложку, ухватит кусок хлеба, и начнет жадно глотать пахучее варево, давясь и кашляя. Но ничего такого не случилось. Девочка сидела, поглядывая на женщину, и не трогалась с места, будто ждала от хозяйки дома команды.

Хорошо, пусть так! Уна подвинула ей ложку. Девочка все равно не стала есть! Уна забеспокоилась, взяла ложку в руку и черпнув бульон аккуратно поднесла ложку ко рту Дайны и влила содержимое деревянного черпачка в ее аккуратный красивый ротик. Дайна судорожно вздохнула, проглотив бульон, и тогда в ее рот отправилась следующая порция варева. А потом, к радости Уны, девочка перехватила ложку, и стала есть сама. Уна пододвинула ей хлебный ломоть – и хлеб пошел в дело. Славно! Значит девочка вполне разумна, и с головой у нее все в порядке! Вот только почему-то не понимает слов…

Бульон закончился, девочка вопросительно посмотрела на Уну, та улыбнулась:

– Нет, милая, хватит! Животик будет болеть! Ты давно не ела! Надо постепенно привыкать к пище!

Она изобразила боль живота, ойкнула, и девочка серьезно кивнула. Вообще, как показалось Уне, это была на удивление серьезная и разумная девочка. Никаких истерик, никаких лишних телодвижений – как взрослая. Надо есть, она ест. Надо сидеть, она сидит.

Затем они пили узвар из лесных ягод, подслащенный засахаренным медом – очень полезное, но еще и очень вкусное питье. Девочка пила с наслаждением, раскрасневшись и отдуваясь, аккуратно доедая свой недоеденный кусочек хлеба. Она ела его так, будто этот самый кусочек был огромной ценностью, и такой ценностью точно нельзя разбрасываться. И это верный признак того, что с едой у девочки в последние месяцы, а может и годы было очень даже все непросто. Ценит пищу!

А потом Дайна вдруг покраснела, схватилась за низ живота, и понятливая Уна повела ее в туалет. Кстати сказать, это тоже была проверка – достаточно ли цивилизованна девочка, знает ли она, что такое туалет.

Как оказалось – прекрасно знает, и умеет пользоваться. И это радовало. Ну что же – туалет освоили, желудок набили, давай теперь знакомиться! Как тебя на самом деле зовут, милая?

– Как тебя зовут? – спросила Уна, снова усадив девочку за стол. Та сразу нахохлилась, нагнулась над столом, и стала смотреть в столешницу, потупив взгляд и наблюдая за Уной искоса, как если бы ожидала какой-то гадости. Уна

вздохнула – никогда ничего не бывает просто! И что делать?

– Я – Уна! – медленно сказала женщина – Ты – кто?

Девочка смотрела на нее и молчала. Губы ее даже не дрогнули.

Уна вздохнула, а потом вдруг запела песенку про веселого песика, который скачет по дорожке, и которого догоняет девочка. Эту песенку ей пела кормилица Аннуш, молодая полноватая женщина, которая была с Уной все ее детство. Вначале как собственно кормилица, потом как нянька. А потом Аннуш уехала в свою семью, по которой очень соскучилась, и Уна по ней очень плакала. Кормилица была наверное единственным человеком (если не считать Мастера), который ее искренне любил. Любил не за то, что она богатая и родовитая, а за то, что она вот такая есть на белом свете. Мать? Матери было не до нее – она интриговала, блистала на балах, бегала к любовникам, рожала. Отец? Ему тем более не до Уны, «пустой» принцессы, неспособной принести наследника ни одному из королей или императоров этого мира. Пустышка. Обманка. Позор семьи!

Братья и сестры? Ха! Кроме презрения и насмешек – больше ничего. Кто любит изгоев? Справедливости ради, она к ним относилась с такой же «любовью». Но это нормально – как говорится, сколько ты даешь, столько тебе и отдадут. Да еще и с процентами. И никак иначе.

Девочка слушала песенку, а потом ее губы сложились в улыбку – милую такую, детскую, беззащитную, как одуванчик под ветром. Дунь – и улетит улыбка, сорвется с лица, оставив после себя лишь голый, худой скорбный стебелек.

– А ты умеешь петь? – замолчала Уна – Ну-ка, спой что-нибудь! Давай!

Уна закивала, жестами предлагая девочке не бояться и запеть, та смотрела на нее непонимающе, потом мелко закивала – поняла! – и запела. На незнакомом Уне языке (!!!) спотыкаясь на словах, корявенько, но женщина вдруг подняла брови – а девочка-то умеет петь! У нее есть голос! Только голос… странный, низкий, не девчачий, будто в ней сидит другая девочка, гораздо старше, грубее. Увидев, что Уна поражена ее пением, девочка сбилась и замолчала, покраснев и снова упершись взглядом в столешницу. Уна хотела ей что-то сказать, ободрить, и тут в дверь постучали. Нет, не постучали – поскребли.

Дверь, сделанная из старого темного дуба снаружи была покрыта царапинами почти на высоту человеческого роста. Кахир иногда был особенно нетерпелив и обрушивался на нее всей массой своего тяжеленного тела, а его лапищи заканчивались когтями – больше достойными какого-нибудь медведя, чем домашней благообразной собаки. Так что ощущение было таким, будто кто-то пинает в дверь здоровенными сапожищами со стальными набойками на носах.

Уна легко вспорхнула с места, отодвинула на двери тяжелый стальной засов (на ночь всегда запиралась – мало ли кто по лесам шастает, эдак во сне и сгинешь), и в комнату ворвался пахнущий псиной сгусток энергии. Он радостно лизнул в нос не успевшую увернуться Уну, подскочил к Дайне, и та уже в полной мере испытала, что такое собачья радость. Лицо девочки мгновенно стало мокрым и липким, пес ткнулся лобастой мордой в живот найденыша, и Уна вдруг испугалась – вдруг девчонка перепугается зверя, решит, что тот хочет ее укусить!

Вообще-то все, кто видел Кахира вблизи, старались отойти от него подальше не делая резких движений. Уна сама, увидев такого чужого пса постаралась бы не вызывать у него подозрения в том, что женщина представляет для него хоть минимум опасности.

Однако произошло совсем не то, чего ожидала Уна. Девочка обняла Кахира за шею и стала хохотать – так счастливо, так радостно, так весело, что у женщины даже заныло сердце, то ли от радости, то ли от печали. Девчонка не отпускала Кахира, а тот, будто знал ее всю жизнь, стоял перед ней и терпел, пока Дайна его гладила, тискала, что-то шептала ему на ухо и блаженно улыбалась, как если бы нашла самое дорогое сокровище в своей жизни.

– Ка-хир! – сказала Уна, указывая на пса.

– У-на! – показала на себя.

– Ты —?

– Диана! – тихо ответила девочка, и Уну будто треснули поленом по голове. Она едва не потеряла сознание от нахлынувших, просто-таки сбивших ее с ног чувств – Диана! Это же… Дайна! То есть… Найденыш! Это знак судьбы! Знак

богов! Это точно они прислали ей Дайну!

– Дайна! – выдохнув и продышавшись сказала Уна, указывая на девочку – Ты – Дайна!

– Дайна! – повторила за ней девочка, улыбнулась, но вдруг снова нахмурилась – Диана. Диана!

– Диана – так Диана – пожала плечами Уна и добавила – Здесь будешь Дианой, а в деревне – Дайной. Почему бы и нет? Не надо привлекать внимание странными именем. Ладно?

Но Диана ничего ей не ответила. Она не поняла. И Уна снова вздохнула – надо как-то выходить из положения, учить девочку говорить. Иначе… иначе нельзя. Им ведь тут жить!

Глава 3

Ну какое это счастье! Собака из сна! Обнять, уткнуться лицом в мокрую холодную шерсть, обнять за могучую шею! Никогда еще Диане не было так хорошо и спокойно. Никогда.

Диана хохотала, не в силах удержаться, а пес улыбался, и красный его язык, вываленный через белые сахарные клыки подрагивал, то с чмоканьем втягивался в пасть, то снова высовывался, что пройтись по ее подбородку. Наконец пес мягко отошел от Дианы, а фея указала на него пальцем и улыбаясь сказала:

– Ка-хир!

Потом показала на себя, и сказала:

– Уна!

И тут же добавила что-то, чего Диана не поняла, показывая на нее, Диану. Подумав пару секунд, Диана сообразила – скорее всего, это были имена, а сейчас фея спрашивает ее, Дианы, имя. То, что фея не понимает русского языка это совсем не удивительно – в мире много всяких языков, ведь Диана смотрит телевизор, а там говорят на многих языках. Люди ведь бывают всякие – и белые, и черные, и желтые. Всякие! У них свои языки. Так почему бы не быть языку фей?

– Диана! – потупившись, с трудом ответила девочка. Говорить ей было почему-то очень трудно. Губы не слушались, горло не слушалось, они отказывались выпускать слова. Вот когда пела – тогда все легко. Если не задумываться. А задумаешься – и опять трудно.

Фея вдруг побледнела, отшатнулась, будто Диана сказала что-то страшное, губы ее задрожали и женщина повторила за Дианой:

– Дайна! Ий – Дайна!

Диане почему-то не понравилось, как коверкают ее имя – это же ее имя! А кроме имени у нее ничего нет! Будь ты даже фея, а все равно – нечего коверкать!

– Диана! – упрямо повторила девочка, сдвинув брови.

Уна вздохнула, кивнула:

– Эйт – Диана, сар одар серед – Дайна!

Диана ничего не ответила. Во-первых, не поняла, во-вторых, не хотела понимать. Никаких Дайн! Только Диана! А Кахир славный… Когда фея прогонит Диану, Кахир останется здесь. И от этого стало ужасно грустно. Все-таки это сон…

Хотя… во сне не бывает туалетов без унитаза. Там вообще не бывает туалетов! И вкусного супа не бывает. И компота. И не бывает фей без волшебных палочек, фей, которые не понимают русского языка. Но есть же иностранные феи?

Диана запуталась в своих мыслях, и уйдя в себя не сразу расслышала то, что говорит ей фея. А когда расслышала – поджала губы и снова уткнулась взглядом в столешницу. Фея пыталась ей что-то сказать, но опять – на непонятном языке.

Сейчас поговорит, поговорит с Дианой, да и выгонит ее из дома. Или из сна? Ведь глупых девочек, которые не понимают фей надо гнать и чем-нибудь ударить. Потому, когда фея наклонилась к Диане, та испуганно вздрогнула и отшатнулась, прикрывшись рукой от удара. Ей показалось, что фея сейчас ударит ее по щеке, и будет больно, а Диана не любит боль.

Но фея не ударила. Она положила ладонь Диане на щеку и ласково погладила, глядя в глаза, с таким выражением лица, с каким смотрят только мамы из телевизора. Настоящие мамы, не злые. А может она и есть настоящая мама? А что? Настоящая мама потеряла ее и не могла найти! А Диана попалась злой маме, которая ее мучила долго-предолго! А потом Диана как-то – рраз! И снова нашлась!

Нет, так не может быть. Такой сказки нет. Диана такой сказки не видела. Это все-таки фея. Но добрая фея, которая не будет ее бить.

Сделав этот вывод и расставив все по полочкам, Диана успокоилась и расслабилась. Если ее не будут бить, кормят, есть замечательная собака из сна – может жизнь налаживается? Может впереди все хорошо? Одно только плохо – не может понять фею, не может понять то, что та ей хочет сказать. И как тут быть?

Фея молча смотрела на Диану и ничего не говорила. И чем больше смотрела, тем больше Диана начинала беспокоиться. А потом фея вдруг хлопнула ладонями по столу (Диана даже не вздрогнула!), довольно улыбнулась и произнесла какую-то короткую фразу. Произнеся – встала, и пошла к стене, вдоль которой стоял огромный, до самого потолка шкаф с маленькими выдвижными ящичками. Диана не знала, что это ящички, но поняла, что это такое, когда фея стала по очереди их выдвигать, заглядывая и что-то шепча себе под нос. Выдвинула несколько ящиков, снова закрыла, постояла, раздумывая, кивнула, оглянулась и Диану и почему-то ей подмигнула. Диана только захлопала глазами – фея, а ведет себя как девчонка! Хулиганит! Феи должны быть важные, в красивых одеждах, с волшебной палочкой. Или маленькие, в коротких юбочках из цветов и с крылышками. Кстати, Диана так и не поняла – почему и те, и другие называются феями. Старая тетенька – фея! И почти голенькие девчонки – тоже феи! Как так? Загадка!

Фея сходила туда, где на стене висели полки с посудой, взяла глубокую чашку, снова подошла к шкафу с травами. Открыла ящички один за другим, из каждого

брала понемногу (Диана видела, она брала тремя пальцами и сыпала это в чашку). Закончив, поставила чашку на стол, сходила за какой-то блестящей здоровенной штукой, которую тащила двумя руками. Штука была наверное тяжелая, раз двумя руками. Потом принесла блестящую длинную палку, сунула ее в тяжелую штуку. Ссыпала в эту штуку содержимое миски. Кивнула – то ли Диане, то ли просто так, и начала ловко, умело звенеть длинной палкой, дергая ее вверх-вниз, вверх-вниз.

Диана вдруг поняла – это она толчет! Делает порошок мельче! Диана видела такое в кино – так волшебницы готовят снадобье! И ей стало ужасно интересно – интереснее чем смотреть мультик. В мультике ведь не потрогаешь! Там только экран! А тут вот оно, настоящее!

Потолкла, убрала палку, приподняла тяжелую штуку и высыпала из нее мелкий порошок опять в глиняную чашку. Точно, штука тяжелая – фея даже губу закусила, когда опрокидывала ее вверх дном. Наверное, Диана такую и не приподымет.

Снова подмигнула Диане, и что-то напевая под нос, пошла к плите. Принесла смешной такой, начищенный до блеска желтый чайник. Диана таких чайников и не видела никогда, даже в мультиках. А может, не обращала внимания. Чайник был важный, раздутый, с огромным смешным носиком и деревянной ручкой. Когда из него полился кипяток, Диана невольно отодвинулась к спинке кресла – она знала, как это больно, когда кипятком. Злая мама однажды опрокинула горячий чай ей на ногу – вздулся пузырь и было ужасно-ужасно больно! И долго не заживало. Теперь на этом месте у колена темное пятно. Сразу не видно, но если присмотреться – различимо.

Фея заметила движение Дианы, подняла брови, вроде как удивилась. Потом нахмурилась, но Диана почувствовала, что сердится фея не на нее. На кого-то другого, что остался далеко-далеко.

Кипяток отправился в чашку с порошком, а чайник затем на свое место, на плиту. Фея взяла палочку (неужели волшебную?!), достала ее из одного из ящичков, и стала размешивать пахучую смесь. Диана даже отсюда чувствовала запах – пахло резко, но приятно. Как компот. Или чай.

А потом фея обратилась к ней:

– Диана! Тссс!

И приложила палец к губам – мол, молчи! Диана сразу поняла и мелко-часто закивала головой в знак согласия. Ей было ужасно интересно! Неужели сейчас будет колдовать?! Волшебной палочкой?! Или еще как-то?!

Но фея просто запела. Вначале негромко, затем все сильнее, сильнее… И голос ее был таким странным, таким… Диана не знала, как это передать словами! В общем – у нее по телу побежали мурашки, а волосы на голове начали вроде как потрескивать – девочка даже схватилась за них, чтобы проверить, все ли на месте. Вдруг загорелись? Злая мама как-то раз подожгла ей волосы огоньком из зажигалки, но они не стали гореть, только трещали и противно пахли. Диана тогда сильно испугалась – взгляд у злой мамы был такой, будто она смотрела сквозь девочку и не видела ее. И жгла, жгла, жгла… Потом волосы долго отрастали на этом месте и ожог болел.

А потом Диана увидела, как над чашкой, в которой был налит «чай», поднялось свечение! Это было похоже на светящееся облачко, которое все время меняло цвет – становилось то белым, то красным, то розовым и синим. И это так красиво, что Диана чуть не пискнула от удовольствия – куда там мультяшным сказкам! Вот оно, настоящее волшебство!

И запах! Какой приятный… нет, неприятный! Нет снова приятый! И опять неприятный! А вот хлебом пахнет. А это… огурцом! Точно, огурцом! А это духами, как у злой мамы. Противными такими, сладкими, густыми… брр!

Диана снова хотела пискнуть, фыркнуть, но вспомнила, что фея приказала молчать. Потому только вздохнула и поморщила носик. Перетерпит! И не такое терпела.

Закончилось все быстро – фея попела, попела, а потом повела руками над чашкой, и облачко исчезло. И запахи исчезли. И тихо стало. Только сопит у печки Кахир, высунув красный язык, да гудит в печи пламя, облизывая черные поленья. Уютненько, тепло, и… Диане вдруг снова захотелось спать. Почему – сама не знает. Так захотелось забраться туда, на печку, накрыться и лежать на горячей лежанке!

Фея встала, принесла маленькую белую кружку. Кружка была красивой, похожая на цветок. Диана даже залюбовалась – кружечка вся в блестящих желтых узорах, ручка белая и тоже блестящая. Красота! У Дианы никогда не было такой красивой кружечки – все старые, желтые, с отбитым краем или ручкой.

А тем временем фея перелила из большой кружки в маленькую часть содержимого, и Диана сильно удивилась – жидкость, которую та переливала, была прозрачной, как вода! Только почему-то немного светилась. Не так, как лампочка на потолке, не белым, ярким светом, а… как экран телевизора, когда нет передач, но он еще включен. Но Диана не была уверена, что видит свечение – может просто показалось. Она любит придумывать сказки, мечтать, вот и увидела то, что придумала.

Фея встала, подошла к Диане и улыбнувшись протянула ей кружечку с налитой в нее жидкостью. Показала: «Пей!». Диана не пошевелилась, и тогда фея поставила кружку на стол перед девочкой, и что-то сказала, и в ее голосе звучали просьба и… добро. Когда красивая, добрая фея говорит таким голосом, она не хочет сделать зла! Диана подумала, подумала, взяла кружку и зажмурив глаза, стараясь не нюхать содержимое выпила светящуюся жидкость.

И… ничего не произошло. Никакого волшебства. Просто внутри стало тепло и хорошо, и в ушах вроде как колокольчики прозвенели. И немного закружилась голова, но тут же все прошло. Фея внимательно и серьезно смотрела на девочку и молчала, а увидев, что с Дианой ничего не случилось – вздохнула, и как-то даже обмякла. Наклонилась к девочке и поцеловала ее в макушку, а потом вдруг весело и задорно рассмеялась, щелкнул Диану по кончику носа.

Диана неуверенно улыбнулась – она не понимала причины веселья феи – и потерла нос. Так-то не больно, но… пусть лучше не щелкает! Нос у нее не раз разбивали, так что она очень не любит, когда его трогают. Но фее можно, ладно! Только зачем она ее поила лекарством? То, что это было лекарство – Диана почему-то даже не сомневалась. Может потому, что горчит? Однажды Диана нашла упаковку таблеток и всю ее съела. Она думала, что это витаминки. Таблетки горчили, но девочка подумала, что вначале горчат, а потом будет сладко, как сахар. Очень хотелось сладкого. Так потом Диану рвало, кружилась голова, а еще и мама побила – чтобы девчонка не ела все, что найдет.

Фея снова улыбнулась и ушла к шкафу с ящичками. Открыла один, что-то достала. Потом сходила в угол и вернулась с большой, почти с Диану высотой

доской, выкрашенной черной краской. Эта доска была похожа на ту, что висят в школах, и детям на ней учителя пишут всякие умные слова. Диана не знает, что это за слова, но видела и мультики, и фильмы, где это делали. Она умная девочка! Все запоминает!

А фея тем временем стала что-то рисовать на доске белым камешком – мелом, наверное, с восторгом поняла Диана, которой очень нравилось угадывать, и чтобы ее догадки подтверждались. Это мел и школьная доска! Только очень маленькая! Неужели фея хочет поиграть в школу?

Закончив рисовать, фея показала доску Диане, и та с удивлением и восторгом увидела на доске фигурки, в которых она сразу же узнала мужчину и женщину. Они были изображены не так, как рисуют дети, и как рисовала их Диана (если ей попадались под руку карандаш или авторучка, а еще листок бумаги). Это были рисунки взрослого человека, и не просто взрослого, а умеющего профессионально рисовать. Несколькими штрихами, несколькими линиями фея изобразила мужчину и и женщину так, что не было никаких сомнений, что это именно мужчина и женщина. У женщины торчали груди и… между ног – все то, что положено иметь женщине. Ну и мужчина от нее не отставал – голенький, смешной со своей маленькой пиписькой. Диана даже хихикнула – такой он был смешной, с улыбающейся рожицей и маленькими глазками.

Фея забрала доску, будто что-то вспомнив, и стала еще рисовать – сосредоточеннее, аккуратнее. Прошло довольно много времени, прежде чем женщина снова показала Диане картинку. И та чуть не ахнула – волшебство! Вот это волшебство! Картинка будто ожила! Вместо линий и черточек на нее смотрели настоящие мужчина и женщина! А чуть ниже – мальчик и девочка. Это Диана тоже поняла сразу. И дело было не в размерах фигурок – ее пытливый разум прекрасно знал, чем отличаются взрослые женщины и маленькие девочки. Мужчины-то не особо отличаются от мальчиков, так сразу и не скажешь – в чем отличие кроме размеров, а вот женщины – тут все понятно. Грудь.

Хозяйка дома пододвинула доску Диане, и четко произнесла какое-то слово, указывая на фигурку мужчины. Потом другое слово – указывая на женщину. Третье – указывая на девочку. Четвертое – на мальчика. Посмотрела на Диану, чуть прищурила глаза, кивнула. Диана не поняла, чего та хочет, задумалась, и вдруг ее осенило – фея хочет, чтобы ученица повторила слова! Диана закивала и тут же, не задумываясь, заикаясь, с трудом выталкивая слова. сказала то, что хотела «учительница»! И сама поразилась – как она смогла запомнить это с

первого раза?!

А фея не отставала. Она кивнула, радостно улыбаясь, и показала пальцем на фигурку мужчины, вопросительно указав подбородком на Диану. Та снова на секунду задумалась, и тут же поняла – надо сказать то слово, которое фея говорила, когда указывала на мужчину! И сказала его, заикаясь, как и в прошлый раз, но сказала! Так вот что хочет фея! Она хочет научить Диану говорить на фейском языке!

И дальше все пошло замечательно. Диана не задумывалась, откуда у нее взялась такая способность – запоминать все с первого раза, она просто повторяла за феей все слова, которые та говорила, указывая на какой-то предмет. Начали они с мужчин, женщин и детей, разобрали их анатомические подробности (рука, нога и все такое – это фея для закрепления показывала на себе и на Диане).

После рассказа о нарисованном на доске, фея перешла к рассказу о предметах, находящихся в доме. И снова Диана запоминала все с первого раза – безошибочно. Чашки, ложки, нож, топор, печь, огонь, собака – фея называла их так быстро, что запомнить это было невозможно! Но Диана запоминала. И ее детскиЙ разум, не испорченный мыслями о том, что он чего-то не может сделать, не ставил этому никаких барьеров. Фея металась по комнате, хватала предметы, увлеченная тем, чем они занимались, называла предметы, и тут же слышала повторение слов, сделанное Дианой, которая тоже увлеклась процессом и ходила за феей, как собачка за хозяином. Утихомирились они только тогда, когда у Дианы начали заплетаться ноги (она ужасно устала), а за окном под солнцем засиял, заискрился выпавший вчерашним вечером снег.

Фея, которой все было нипочем (на вид она совершенно не устала!) тут же подхватила Диану и усадила ее за стол. Притащила большую чашку супа с кусочками мяса, ломоть хлеба, кружку компота, а потом сидела и смотрела, как Диана аккуратно, без жадности (хотя и очень проголодалась) поедает содержимое миски. В этот раз девочка съела много, гораздо больше, чем в прошлый раз. Даже живот раздулся! Фея на это укоризненно помотала головой и досадливо поцокала языком. Кого она укоряла было неясно, да впрочем и неинтересно. Вернее – не до того. Усталая Диана после вкусного обеда впала в странное состояние – вроде и спала, и не спала. Все видела, понимала, но… ходить сама почти не могла, и все вокруг было таким… как в тумане. Ей ужасно хотелось спать!

И тогда фея подхватила ее на руки, отнесла на кровать, которая стояла возле окна – широкая, прочная деревянная кровать – сняла с Дианы штанишки, свитер, накрыла меховым одеялом и села рядом, улыбаясь уголками губ и поглаживая Диану по волосам. А та тут же уснула, так, будто загасили ярко горящий светильник.

* * *

Девочка оказалась на удивление умной! Снадобье памяти, которое Уна решилась ей дать, действует эффективно только в том случае, если у человека эта самая память хорошо развита, если он умеет и любит ей пользоваться. Глупый, недалекий человек лишь немного улучшит эту самую свою память, но не более того. Диана же была просто феноменальна – она запоминала новые слова и их произношение сходу, без единой осечки!

Уна увлеклась новым экспериментом, и увеличила скорость обучения многократно, и в конце концов признала, что даже она сама, Уна, не могла получать знания с такой скоростью. Это она знала без всякого сомнения, ибо первой, на ком попробовала снадобье памяти была именно она, Уна. Сама сделала – самая выпила лекарство. Помнит, как была ошеломлена той скоростью, с которой она запоминала книги наизусть. Правда потом очень сильно болела голова. Человек не приспособлен к такому быстрому обучения. Знания, которые к нему приходят, должны ложиться в его мозг медленно, аккуратно, кирпичик за кирпичиком.

Кстати сказать – пользоваться этим снадобьем можно совсем не часто. Слишком большая нагрузка на мозг. Так можно его повредить и останешься полудурком, который засунул в себя тысячи очень умных книг. Иметь знания – это не синоним «быть умным». Библиотека имеет в себе много очень даже умных книг, но кто назовет ее умной? Просто пыльные полки, на которых стоят кому-то нужные научные трактаты. И не более того.

Нет, риска для Дианы никакого не было, хотя все равно Уна очень беспокоилась, наблюдая за состоянием девочки после приема снадобья. Дети почему-то воспринимают действие этого снадобья гораздо легче, у них практически не бывает досадных неприятностей, таких, как у взрослых – они не сходят с ума от перегрузки во время учебы. Когда их мозг перегружается, они просто начинают

засыпать, затормаживаются, и пока мозг не отдохнет – из сна никогда не выйдут. Это описано и в научных трактатах, посвященных действию снадобья.

А вот взрослые люди почему-то реагируют на это снадобье совсем по-другому. Нет, способность быстро запоминать никуда не теряется, но вот дальше… больная голова, это еще не самое худшее. Были и случаи кровоизлияний в мозг после интенсивного обучения с использованием этой магии.

Уна думала над тем, почему все так получается, и пришла к выводу: мозг ребенка чист, как лист бумаги, на котором никто еще не написали ни одного слова. Хмм… преувеличение, конечно, лучше тогда сравнить мозг ребенка с листом, на котором есть заглавие и несколько строчек. Взрослый же человек состоит из «записанных на листе» знаний, да еще и на нескольких страницах сразу. Его лист заполнен почти до отказа, и новые знания с трудом укладываются на старые, забитые всяким мусором «полочки» в мозгу. Они, конечно, теснят старые знания, но после очень сильно болит голова.

А еще – зависит от того, насколько развит мозг пациента, сколько «полочек» для знаний имеется у него в мозгу. Развитые люди, которым приходится много думать, имеют в мозгу больше «полочек», те, кому мозг нужен только для справления естественных инстинктов – полочек почти не имеют. А если ребенок, у которого все «полки» чисты, как вчерашний снег, обладает огромным количеством этих самых «полок»… результат должен быть таким, каким он был сегодня с Дианой. Он будет всасывать знания со скоростью сухого песка пустыни, пьющего пролитую на него колодезную воду.

Время действия снадобья разнится – оно очень индивидуально и опять же, зависит от того, как его воспринимает мозг пациента. Может действовать несколько часов, а может и несколько суток. Следующий прием возможен только через несколько дней – минимум два дня. И эффект будет уже послабее – так говорится в умных книгах, впитанных Уной по той же методике – до головной боли, принизывающей до самых пят. Вот потому люди и не любят использовать это снадобье – головная боль такой силы, что неподготовленного, слабого человека может довести даже и… до рвоты, потери сознания. Но самое интересное, что не все знают про детей, про то, что головная боль им не страшна. Вернее – практически никто не знает.

Кстати сказать, Уна, когда обнаружила в старой-престарой книге упоминание об этих особенностях снадобья памяти, сразу заподозрила, что все упоминания об

использовании лекарства детьми были вымараны целенаправленно и осознанно. Почему? Да потому, что не должны дети так быстро и в таком объеме получать знания, которыми они должны обладать только уже подрастая до уровня почти полной разумности – то есть годам к восемнадцати-двадцати. Ну а взрослые сами не решатся использовать снадобье, зная, какие головные боли оно вызывает.

Да, Уна была и есть – очень опытная, и высокообразованная лекарка. Да и не лекарка она по большому счету, а Маг-целитель высшей категории. Пусть не Магистр, но… где-то точно рядом с ним. И знает много. Даже – слишком много для такой молодой женщины, какой она является. И по мере возможностей старается скрыть свои знания. Лекарка она! Сельская лекарка!

* * *

– Ну что, проснулась? – улыбающееся лицо феи появилось перед глазами Дианы, и она снова крепко сжала веки. Сжала, и снова разжала. Появившиеся слезы быстро вытерла запястьем. Теперь лучше видно. Точно, фея! И никуда не исчезла! Это был не сон!

– Вставай! Ужинать будем! Весь день проспала! Понимаешь меня?

Диана вначале не сообразила, а потом чуть не ахнула – точно! Она теперь понимает фею! Раньше не понимала, а теперь – понимает!

Кивнула, по привычке отказываясь говорить, и улыбка феи чуть поблекла:

– Не хочешь говорить? Ну ладно, не буду настаивать!

Кое-что Диана не поняла – например, что такое «настаивать», но по смыслу было ясно – если Диана не будет с феей говорить, та не станет ругаться. Хотя и обидится. Но Диана правда не может говорить!

– Я… очень… за… за. заикаюсь! – Диана выдавила из себя эту фразу, и фея тут же подхватила:

– Заикаешься? Это называется «заикаешься». Я – заикаюсь, ты – заикаешься, они – заикаются. Вот так.

– Да. Я – з… заикаюсь! – Диана повторила это на фейском языке, и ей понравилось, что она смогла. А фея довольно кивнула:

– Снадобье еще действует. Сейчас мы с тобой поужинаем, и затем снова займемся – насколько у тебя хватит сил. Это важно! Снадобье действует определенное время, а потом должен быть долгий перерыв, понимаешь? Не понимаешь. Но и не надо. Главное – слушай меня, и делай то, что я скажу, хорошо?

– Хорошо… – кивнула девочка, и выпростала ноги из-под одеяла. Села на краю кровати, непроизвольно потянулась, посмотрела по сторонам – А Кахир?

– Кахир ушел гулять – фея положила штаны и свитер Дианы на кровать – Он долго дома не сидит. Бегает по лесу, охотится. Он ведь зверь, ему нужно мясо. И тебе нужно мясо!

– Я – зверь? – просто спросила Диана, и фея вдруг расхохоталась:

– Точно! Маленький зверек! Пойдем, зверек, буду тебя кормить!

Она наклонилась и неожиданно быстрым, молниеносным движением пощекотала Диану в подмышках. Диана взвизгнула от неожиданности и расхохоталась! Фея такая хулиганка! Феи такие не бывают! Ха ха ха… Фея-хулиганка!

Они уселись за стол, Диану опять водрузили на подушечку, и скоро она ела тот же самый суп с овощами и мясом, разваренными до густой кашицы. Очень вкусный суп! И вкуснейший, самый вкусный в жизни Дианы хлеб! Потом компот, и… засахаренные фрукты! Маленькие такие яблочки с красным бочком, сладкие-пресладкие!

– Совсем забыла – подмигнула фея – Осталась баночка небесных яблочек в меду. Давно сделала, в амбаре поставила и забыла. А вот теперь вспомнила. Тебя ждала банка, точно! Ешь-ешь, сейчас тебе силы понадобятся, опять будем

учиться. Пока не свалишься.

Диана не очень-то хотела падать, но спорить не стала. С взрослыми вообще спорить нельзя. Надо выслушать то, что они говорят, покивать, а потом не делать. И спрятаться. Лучше всего спрятаться. Взрослым нет дела до детей, а если есть – они им только лишь делают плохо и больно.

Правда что касается феи… тут есть сомнения. Скорее всего, она не хочет сделать Диане плохо и больно. Почему Диана так решила? А жизнь научила. Поживи как она, когда каждую минуту ждешь окрика, тычка или удара – и научишься различать настроение взрослых и понимать, чего от них ждать. В любом случае – надо слушать и делать.

После еды они снова вместе сходили в туалет, и фея уже подробно рассказала девочке, как и что. Та немного удивилась таким сложностям, но раз фея говорит, что надо именно так делать – значит, надо делать. Кувшин не тяжелый, вода правда холодная, попке неприятно, но это не самое страшное, что было у Дианы в жизни.

Новый сеанс обучения затянулся далеко за полночь. Они прошлись по всем предметам, которые можно было потрогать и увидеть – деревья, снег, вода – и все такое. Даже на реку сбегали по морозцу – Диана немного замерзла в своей курточке и была очень рада вернуться в теплый дом к печке. Река лежала подо льдом, но Диана поняла, что это именно река, и что она течет. Небольшая речка, не такая, как Диана видела по телевизору. Диана наверное перекинула бы ее снежком. А может и не перекинула.

После того, как все предметы были названы, перешли к действиям с предметами, и к их склонениям – как это назвала фея. Он взял, она взяла, они взяли, мы взяли. Нудно, сложно, слова-то незнакомые! Но все-таки вполне терпимо. Диана легко улавливала суть и запоминала с первого раза, как и вчера. К концу этого занятия она свободно могла вести беседу – если бы хотела. И если бы могла. С ее заиканием (теперь она называла его другим словом, но это было именно заикание!) – говорить ей было трудно. И не хотелось. Но самое главное – она все понимала!

Ночью пришел Кахир и приволок чью-то здоровенную ногу. Такую огромную, что наверное она была ростом с саму Диану. Морда Кахира была в крови и он долго

потом вылизывался, слизывая бурую жидкость с лап, которыми тер эту самую морду. Фея его похвалила, но Диана видела, что та слегка расстроена. Чем именно – фея не сказала. Она только взяла эту самую ногу – легко, как ложку или чашку! (очень сильная волшебница!) – и понесла ее куда-то, пройдя через дверь туалета. Диана не утерпела и пошла следом за волшебницей, слегка дрожа от страха и восхищаясь своей смелостью. Вдруг фее не понравится, что она за ней следит?! А там какая-нибудь тайная комната, в которой колдовские принадлежности! А еще… а еще какие-нибудь страшные штуки, вроде скелетов, черепов и все такое!

Диана видела страшные сказки – там лесные колдуньи держали взаперти маленьких детей. Может и фея такая же, и только прикидывается доброй? Диана умная, Диана так просто не сдастся!

Но там были только мешки, мешочки, бочки, коробки и всякая такая дребедень. Фея туда вошла, сказала какое-то слово и под потолком загорелась эта странная маленькая, но очень яркая лампочка. Лампочка засияла так, что Диана невольно ойкнула и тут же была обнаружена.

– Ты чего сюда? Ох, и любопытная же ты у меня! – улыбнулась фея – Это моя кладовая. Видишь – мы можем спокойно прожить всю зиму. Тут и мука, и соль, и пряности, и всякие крупы! Бочка меда, и даже сахар есть!

Диана не понимала, что такого в сахаре, и почему фея с таким волнением о нем говорит, но на всякий случай вежливо покивала – да, очень хорошо. Ей сразу стало неинтересно. Что может быть интересного в мешке муки или сушеных овощах? Вот если бы по стенам развешаны скелеты, а по комнате летали летучие мыши – тогда да, интересно. А так – ну кладовая, и кладовая.

– Кстати, раз уж ты здесь – давай-ка быстренько пройдемся по некоторым словам. Я и забыла тебя сюда сводить. Только вначале я тебе дам одеться. На-ка вот, накинь этот тулуп.

Тулуп был гораздо короче обычного тулупа, в котором ходила фея, скорее это была меховая куртка, но Диана в нем все равно утонула. Он был до самого пола и волочился по земле. Фея это заметила, хихикнула, и подхватила Диану на руки – легко, как котенка.

– Я тебя буду носить, и показывать предметы, и называть их. А ты запомнишь.

И они ходили, и фея показывала и называла, пока Диану не сморил сон. Она засопела, прижавшись щекой к упругой груди феи, а та еще долго сидела, покачивая маленькое теплое существо, уснувшее у нее на груди, и улыбалась в пространство, видя то, чего никогда и никто кроме нее не увидит.

* * *

Спали они рядом на одной кровати. Кахир недовольно поворчал и устроился рядом, на коврике. На рассвете он ткнул Уну холодным носом, а когда она недовольно отмахнулась, хватанул за голую ногу своими зверскими зубищами. Волей-неволей пришлось идти, выпускать его на волю.

За окном уже светало, спать как-то сразу расхотелось, потому подбросив поленьев в печь Уна занялась медитацией и гимнастикой – посидела скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх – эта поза почему-то называется «Чаша», а потом начала разминаться, не зажигая светильник чтобы не разбудить девочку. Медленно, очень медленно перетекала из позы в позу, проверяя каждый мускул, каждый кусочек кожи, напрягала мышцы, растягивала суставы, принимая все более и более странные, экзотичные позы. У каждой из них было свое название, и Уна его помнила, но названия были не нужны. Она делала это уже много, очень много лет, и ей это нравилось. После гимнастики Уна чувствовала себя обновленной, сильной, свежей! Молодой.

В принципе, она еще не старуха, но по меркам деревенских жителей… точно перестарок. В этом возрасте женщина обычно уже давно замужем и у нее как минимум трое детей, а то и гораздо больше. Деревенские рожают, как кролики, ведь чем больше детей, тем больше шансов семье выжить. Дети потом содержат старых родителей – если те доживают до такой старости, когда уже не могут сами себя обслужить. Так что много детей – шанс выжить еще и престарелым родителям. Здесь не бросают стариков, что Уне когда-то очень понравилось.

Женщины ее возраста обычно выглядят раза в полтора-два старше, чем положено соответственно прожитым годам. И это понятно – тяжелая работа, многочисленные роды, и совсем нередко – грубый муж, которые отравляет жизнь пьянками и скандалами. Уна выглядит гораздо моложе своих лет – здоровый образ жизни, гимнастика, опять же – никогда не рожала. Так что

несмотря на то, что все знали – Уна родить не может – на нее заглядывалось много мужиков. Если только не все. Кстати сказать, тот факт, что она не может родить, по мнению Уны их только лишь еще больше возбуждал – раз не может родить, значит, не будет проблем с нечаянной беременностью! Как говорится – сами боги велели пуститься во все тяжкие!

Первое время пришлось трудно – несколько молодых парней и мужиков пришлось как следует отходить дубиной, пока от нее не отстали. Почему это мужчины считают, что если женщина живет одна, в лесу, то она обязательно рада первому попавшемуся мужичонке, норовящему залезть в ее постель?! Почему сразу считают шлюхой?!

Вот когда у нее появился Кахир, тогда ухажеров резко поубавилось. Одного пришлось едва ли не отбивать у пса – он ему чуть мужское достоинство не оторвал. Потом грозился, что убьет пса, а дом подожжет. На что Уна ему твердо заявила, глядя в глаза и шипя сквозь зубы, как змея из норы, что если с псом что-то случится, она, лекарка, сделает так, что он сгниет заживо. С него кусками будет отваливаться мясо, из дырок будет течь гной, и ни один лекарь, даже архимаг, не сможет его вылечить.

Парень поверил. Она умела быть очень убедительной, когда захочет. Уна вылечила бедолагу и отправила домой со здоровым мужским достоинством, но раненой душой. Опасалась потом, что ей на самом деле устроят какую-нибудь пакость, ей и Кахиру (она его от себя не отделяла), но все успокоилось без каких-то лишних проблем.

Уже потом она узнала, что парень начал рассказывать про нее всяческие мерзости в отместку за свой позор. Вроде как она совершенная извращенка, зверица, и спит со своим псом, как с мужем. Потому он и побрезговал с ней переспать, увидев пса в ее постели. А когда лекарка увидела его и поняла, что ее страшная тайна раскрыта – натравила на него псину, и парень едва успел убежать – только штаны ему разорвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/diana-naydenysh

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить